

Марк Солонин
БЕСНА ПОБЕДЫ.
ЗАБЫТОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ
СТАЛИНА

*"Патриотизм определяется
мерой стыда, который человек
испытывает за преступления,
совершенные от имени его
народа"*

Адам Михник

Сказать, что в СССР на обсуждение этой темы был наложен строжайший запрет, значит не сказать ничего. Сказать, что этому преступлению были задним числом придуманы нелепые оправдания, значит сказать заведомую неправду. Не было никаких оправданий. Никто ничего и не пытался оправдывать. Народ и партия, отцы и дети, «верхи» и «низы» были едины в категорическом отрицании наличия самого предмета для обсуждения, тем паче – осуждения. Вопросов не было – зато был ответ: несокрушимый, многотонный, на века. В граните и мраморе стоял над Трептов-парком в Берлине советский солдат-освободитель со спасенной немецкой девочкой на руках, и каждую весну к подножию монумента послушно ложились живые цветы.

И даже после того, как в первые годы «гласности» стали публиковаться редкие и разрозненные воспоминания о том, что немецкая девочка могла оказаться в руках советского солдата в другой ситуации и с другими для девочки последствиями, эти голоса никто не захотел услышать. Точнее говоря – не смог услышать. Такая правда не вмещалась в сознание нормального советского человека.

Помощь, как это ни странно, пришла с Запада. Заграница в очередной раз помогла нам. Они там уже

наработали целую «научную традицию», в рамках которой тема насилия над гражданским населением Германии (т.е. массовых зверских убийств, истязаний, грабежей, истребления жилищ) была игриво обозначена термином «сексуальное насилие». А это уже позволяло вздохнуть с облегчением. Нет, никто не спорит с тем, что изнасилование – и по законам, и даже по воровским «понятиям» - является тяжким преступлением. Но это преступление особого «сорта». У обвиняемого всегда есть возможность – с наглой ухмылкой (или испуганно бегающими глазками, смотря по обстоятельствам) – сказать: «Да бросьте вы... Какое насилие... Да она сама пришла...»

Итак, слово было найдено. Дальше – проще. Дальше оставалось свести тяжелейшую историческую и моральную проблему к теме пресловутого «сексуального насилия», а затем подвергнуть сомнению как массовость явления, так и сам факт насилия. Из множества примеров такой «наступательной контрпропаганды» приведу лишь один, но весьма характерный и примечательный. Примечательна же эта публикация и тем, где она появилась (старейшая и одна из наиболее тиражных газет страны), и высоким формальным статусом привлеченных к обсуждению лиц.

Поводом к "дискуссии" стало издание в России известной книги английского историка Э.Бивора "Падение Берлина". 21 июля 2005 г. журналист газеты «Труд» С. Турченко решил разобраться с непрошеным «иностранным консультантом». Разобраться во всех смыслах, какие это слово имеет в русском языке.

Решительный отпор начался с первых же слов. С самого названия статьи: *«Насилие над фактами»*. Дальше, в подзаголовке, был дан очень ясный намек на то, чьим подголоском является Бивор, и на чью мельницу льют воду примкнувшие к нему неназванные отщепенцы: *«Зачем британский историк и некоторые СМИ пересказывают басни Геббельса?»* Наконец, в творческом воображении журналиста возникла совершенно inferнальная картина: *«Геббельс в гробу довольно потирает руки...»*

Первым было предоставлено слово самому М.А.Гарееву (генерал армии, президент Академии военных наук, академик Российской академии естественных наук, профессор, доктор исторических наук, доктор военных наук, бывший зам. начальника Генштаба Советской армии) и пр. Никаких сомнений и вопросов у маститого ученого не было и нет:

«Бивор и его подпевалы являются банальными плагиаторами. Настоящий автор мифа об "агрессивной сексуальности" наших солдат – Геббельс. Однако Бивор переплюнул Геббельса... Очередной пасквиль на советского солдата-освободителя... Лично я участвовал в освобождении Восточной Пруссии. Говорю как на духу: о сексуальном насилии тогда даже не слышал.

Помню, перед строем нам зачитали решение военного трибунала. Суть дела была в том, что несколько солдат ворвались во двор зажиточного бауэра, поймали несколько кур, гусей, начали варить. Когда бой за хутор закончился, хозяева выбрались из подвала, где прятались, и подняли крик. На шум нагрянул патруль.

Солдат задержали. Командир 184-й дивизии генерал-майор Басан Городовиков приказал устроить показательный суд военного трибунала. Бойцам дали по пять лет лагерей.

Нетрудно предположить, что наказание было бы неизмеримо более строгим, если бы кто-то из них позарился, скажем, на хозяйку».

Следующий генерал армии, Герой Советского Союза, Герой Социалистического труда И.Третьяк не был столь категоричен. Он даже готов признать, что жертвами насилия стали не только гуси и утки. Но:

«Конечно, в такой огромной войсковой группировке, которая в 1945 году вошла в Германию, всякое случалось. Мужики по несколько лет женщин не видели. Кто-то и не устоял. Но сегодня многие признают, что сексуальные связи между нашими бойцами и немками далеко не всегда носили насильственный характер. Бывал и обоюдный интерес. Странно сегодня читать, как некий англичанин вдруг озаботился сексуальными коллизиями 60-летней давности, о которых сами немки вслух не вспоминают...».

Президент Ассоциации историков Второй Мировой войны, доктор исторических наук, профессор О.Ржешевский также не скрывает своего возмущения очередной попыткой «воссоздать образ "азиатских орд", который вбивала в головы немцев нацистская пропаганда, а затем **небольшая группа историков-неофашистов, от которых давно отвернулись в Германии** (подчеркнуто мной – М.С.)».

Как и следовало ожидать, особое негодование профессора, Президента Ассоциации историков вызывает именно необоснованность обвинений:

«Следовало бы иметь веские основания, располагать документами, если уж выдвигать столь тяжелое обвинение в адрес армии, вынесшей на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашистским нашествием. Но их в книге Бивора нет. Сведения о "массовом насилии" основываются на свидетельствах типа "берлинцы помнят... ", "один доктор подсчитал... ", что не приемлемо для научного исследования, на которое претендует книга».

Истина же, по мнению профессора Ржешевского заключается в том, что *«лавина мести могла захлестнуть Германию, однако этого не произошло. Военнослужащие и советской, и других союзных армий в целом проявили гуманное отношение к мирным немецким жителям... Ставкой были приняты чрезвычайные меры для предупреждения бесчинств по отношению к мирному немецкому населению».* После этого заявления Ржешевский, как и положено профессиональному историку, приводит документально-обоснованный факт. Очень интересный (но, к сожалению, невнятно изложенный) факт:

«В первые месяцы 1945 года за совершенные бесчинства по отношению к местному населению были осуждены военными трибуналами 4148 офицеров и большое число рядовых».

«И большое число рядовых». Большое – это сколько? Нет ответа. Приходится строить предположения. На одного офицера в действующей армии приходится минимум 10 солдат. Если принять на веру тезис о том, что причиной «бесчинств» было то, что *«мужики по нескольку лет женщин не видели»*, то средняя ожидаемая вероятность совершения «бесчинств» среди рядовых должна быть выше, нежели среди офицеров. Офицеры Красной Армии (особенно в последние годы войны) женщин видели. Об этом товарищ Сталин позаботился. Только весной 1942 г. в рамках "массовой добровольной мобилизации" (именно так это называлось в Постановлении ГКО) было призвано более 450 тыс. женщин. С особой гордостью советские историки сообщали о том, что 70% из них были направлены в Действующую армию. Наряду с мобилизованными по Постановлениям ГКО, в Действующей армии находились вольнонаемные женщины, численность которых в 1945 г. составила 234 тыс. человек.

В скобках отметим, что в 1943-1945 г.г. в тыловых частях и учреждениях Вооруженных Сил СССР находилось порядка 5 млн. призванных на военную службу мужчин, так что отправка на фронт, на самую что ни на есть передовую, сотен тысяч женщин никак не могла быть объяснена катастрофической нехваткой личного состава...

Возвращаясь к факту, приведенному профессором Ржешевским, мы можем в первом приближении предположить, что осужденных за *«бесчинства по*

отношению к местному населению» рядовых было в 10 раз больше, чем офицеров. В таком случае общее количество осужденных (не общее количество бесчинствовавших, а именно и только число осужденных!) составит 40-50 тыс. человек. Для весны 45-го это **численность одной общевойсковой армии.**

Но и это еще не все. Продолжая демонстрировать свое «усердие не по разуму», С.Турченко спешит дополнить сообщение профессора Ржешевского цитатой из следующего документа:

«Донесение начальника политического отдела 8-й гвардейской армии гвардии генерал-майора М.Скосырева от 25.04.45 года:

В последние дни резко уменьшилось количество случаев баракольства, изнасилования женщин и других аморальных явлений со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2-3 случая в каждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше...»

Итак, что же нам рассказали уважаемые, авторитетные люди? Слово «убийство» не произнес никто. М.А.Гареев знает про краденых кур, но об изнасилованиях даже и не слыхивал; генерал армии И.Третьяк признает наличие неких "сексуальных коллизий", не заслуживающих, впрочем, упоминания и обсуждения; историк Ржешевский не знает никаких документов, которые могли бы подтвердить факт "массового насилия", но признает факт осуждения многих

тысяч солдат и офицеров Красной Армии за бесчинства, которых по мнению Гареева не было вовсе.

Гвардии генерал-майор с гордостью сообщает, что количество изнасилований и других аморальных явлений, выдуманных геббельсовской пропагандой, «резко уменьшилось», и «в каждом населенном пункте» регистрируется всего лишь по 2-3 случая. Сущая ерунда. *«Раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше».*

Теперь обратимся к документам и фактам, собранным *«небольшой группой историков-неофашистов, от которых давно отвернулись в Германии».* Сразу же должен признать, что в данном случае профессор Ржешевский не сильно ошибся в формулировке. В послевоенной (и что совсем уже странно – в постсоветской) Германии историки-антифашисты, не согласные с тем, что сам факт ожесточенного военного столкновения между коричневым и красным фашизмами может служить оправданием для любой из этих преступных диктатур, остаются на положении «прокаженных», с которыми остерегаются иметь дело те, кто претендует на политическую карьеру и государственные «гранты». И тем не менее, в ходе упорной многолетней работы исследователей был собран и обобщен огромный массив документальных материалов, систематизированных в ряде сборников, в частности - в одиннадцатитомной "Документации изгнания немцев" (издано в 1956 - 1967 г.г.)

Одним из наиболее ярких представителей этой «небольшой группы историков» был (он умер в 2002 г.) И.Гофман (Hoffmann). 35 лет (с 1960 по 1995 г.г.) Гофман проработал в Исследовательском центре военной истории Бундесвера, пройдя по служебной лестнице путь от молодого специалиста до научного директора Центра. В 1995 г. вышла в свет книга И.Гофмана "Сталинская война на уничтожение" ("Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945"), переизданная до конца века четыре раза.

Реакция "левых кругов" Германии на исследование Гофмана достигла такого накала, что 28 февраля 1996 г. депутаты ряда фракций Бундестага направили "шесть запросов и 14 дополнительных вопросов" в адрес правительства ФРГ (в компетенцию которого, к слову говоря, не входит управление научно-исторической дискуссией). Комментируя эту прискорбную попытку превратить парламент демократической страны в некое подобие инквизиционного трибунала, Гофман в предисловии к четвертому изданию своей книги пишет:

"Если исследователь подчас вынужден аргументировать, будто апеллируя к стене, то это вызвано причинами, которые глубоко коренятся в немецкой послевоенной психологии и поэтому едва ли могут иметь рациональное объяснение... Многие немцы в своей самопоглощенности просто не замечали, что они требуют от русских, чтобы те, русские, продолжали спокойно жить со сталинской пропагандистской ложью, лишь бы у немцев было алиби в лице Гитлера. Им было нужно перед всем миром представлять себя в должном свете, причем за счет русских, и демонстрировать, как

велика стала сегодня дистанция между ними и Гитлером..."

Далее будут приведены обширные выдержки из тех глав книги (И.Гофман, "Сталинская война на уничтожение", М., АСТ-Астрель, 2006 г., стр. 305-347), в которых рассматриваются события зимы-весны 1945 г. Каждый эпизод и каждая цитата в книге сопровождаются ссылкой на соответствующие фонды Федерального военного архива во Фрайбурге, но, учитывая практическую малодоступность этого архива для рядового российского читателя, я не стал воспроизводить эти сноски. Фамилии советских военнослужащих в большинстве случаев будут заменены первой буквой. Итак:

"О числе гражданских жертв дают хотя бы приблизительное пред-ставление исследования Федерального министерства по делам изгнанных и Федерального архива, основанные на статистике населения, хотя эти оценки располагаются у нижней границы и охватывают только жертв непосредственных преступлений.

Согласно им, были убиты 120.000 мужчин, женщин и детей, большей частью — советскими солдатами, и еще 100.000 - 200.000 погибли в тюрьмах и лагерях. Крайне высока была и доля тех, кто сам покончил со своей жизнью от отчаяния. При этом гигантские человеческие по-тери, имевшие место в результате непосредственного применения насилия или в тюрьмах, концлагерях и

лагерях смерти в Польше, Югославии и Чехословакии (с мая 1945 г. в Чехословакии были убиты, отчасти зверски, 270 тыс. безоружных немцев), останутся в этом контексте вне внимания точно так же, как минимум 43.000 гражданских лиц, погибших от голода и эпидемий в советских концлагерях (специальные лагеря, спецлагеря НКВД СССР)...

По совокупной оценке, в так называемых "районах изгнания" имело место в общей сложности 2,2 млн. "нераскрытых дел", где при дальнейшем толковании этого понятия в большинстве своем речь должна идти о жертвах преступления, т.е. о жертвах антинемецкого геноцида...

...То, что творила пропаганда ненависти среди красноармейцев, нашло правдивое отражение в захваченных фронтовых письмах, некоторые из которых приведем здесь. Они написаны военнослужащими моторизованных частей (номер полевой почты 20739) в период января-февраля 1945 г.

«Мы каждый день продвигаемся дальше по Вос-точной Пруссии, - писал, например, С. своим родителям в Смоленск, — и мы мстим немцам за все их подлости, ко-торые они нам причинили... Нам теперь разрешено делать с немецкими негодьями все». «Немцы все удирают, боятся нашей мести, — говорится в письме, которое Л. написал 30 января 1945 г. - но не каждому удастся ускользнуть. Пусть немецкая мать проклянет тот день, когда она родила сына. Пусть немецкие женщины

ощутят теперь ужасы войны. Пусть они сейчас сами переживут то, что предназначили другим народам».

«Гражданское население теперь больше не бежит, — писал К. 30 января 1945 г. во Владимирскую область. — То, что тут вообще творится, просто жутко». «Те-перь мы ведем войну в самом прямом смысле слова, — писал 1 февраля 1945 г. П. своим родителям в Алма-Ату, — гро-мим гадов в их логове в Восточной Пруссии... Теперь и наши солдаты могут видеть, как горят их убежища, как скитаются их семьи и таскают с собой свое змеиное отродье... Они, наверно, надеются остаться в живых, но им нет пощады».

«Немецких женщин хватает, - пи-сал Е. 3 февраля 1945 г., - их не нужно уговаривать, просто приставляешь наган и командуешь "Ложись!", делаешь дело и идешь дальше». В письме капитана К. от того же дня написано: «Мы тут выкуриваем пруссаков так, что перья летят. Наши парни уже "распробовали" всех немецких женщин. Вообще трофеев много...»

...Даже Ю. У., уже упомянутый выше офицер, сам по себе мечтатель-ный, почти философски настроенный, исполненный гума-нистических идеалов человек, давно уставший от войны и се-товавший на жертвы и разрушения, все же не остался незатронутым пропагандой ненависти. *«Мы очень ненавидим Германию и немцев, - пишет он в своем дневнике 27 января 1945 г. в Штаркенберге, - в одном доме, например, наши парни видели уби-тую женщину с 2 детьми. И на улице часто*

видишь убитых гражданских людей... Конечно, это невероятно жестоко — убивать детей... Но немцы заслужили эти зверства...»

...Подстрекаемые советской военной пропагандой и команд-ными структурами Красной Армии солдаты 16-й гвардейской стрелковой дивизии 2-го гвардейского танкового корпуса 11-й гвардейской Армии в последней декаде октября 1944 г. принялись вырезать крестьянское население в выступе южнее Гумбиннена. В этом месте немцы, вновь захватив его, смогли в виде исключения провести более детальные расследования.

В одном Неммерсдорфе были убиты не менее 72 мужчин, женщин и детей. Женщин и даже девочек перед этим изнасилова-ли, нескольких женщин прибили гвоздями к воротам амбара. Неподалеку оттуда от рук советских убийц пало большое число немцев и французских военнопленных, до сих пор нахо-дившихся в немецком плену. Всюду в окрестных населенных пунктах находили тела зверски убитых жителей - так, в Ванфельде, имении Тейхгоф, Альт Вустервитце (там в хлеву най-дены также останки нескольких сожженных заживо) и в дру-гих местах. *«У дороги и во дворах домов массажи лежали тру-пы гражданских лиц... - сообщил обер-лейтенант Амбергер, - в частности, я видел многих женщин, которых... изна-силовали и затем убили выстрелами в затылок, частично ря-дом лежали и также убитые дети».*

Об увиденном в Шилльмейшене под Хейдекругом в Мемельской области, куда 26 октября 1944 г. вошли части 93-го стрелкового корпуса 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, канонир Эрих Черкус из 121-го артиллерийского полка сообщил на своем воен-но-судебном допросе следующее:

«У сарая я нашел своего отца, лежавшего лицом к земле с пулевым отверстием в затылке... В одной комнате лежали мужчина и женщина, руки связаны за спинами и оба привязаны друг к другу одним шнуром... Еще в одной усадьбе мы увидели 5 детей с языками, прибитыми гвоздями к большому столу. Несмотря на напряженные поиски, я не нашел и следа своей матери...

По дороге мы увидели 5 девушек, связанных одним шнуром, одежда почти полностью снята, спины сильно распороты. Было похоже, что девушек довольно далеко тащили по земле. Кроме того, мы видели у дороги несколько совершенно раздавленных обо-зov».

Невозможно отобразить все ужасные подробности или, тем более, представить полную картину случивше-гося. Пусть ряд выбранных примеров даст представление о действиях Красной Армии в восточных провинциях после возобновления наступления в январе 1945 г. Федеральный ар-хив в своем докладе "Об изгнании и преступлениях при изгнании» от 28 мая 1974 г. опубликовал точные данные из так называемых "итоговых листов" о зверствах в двух избранных округах, а именно в восточно-прусском пограничном округе Ио-ганнесбург и в силезском пограничном округе Оппельн [ныне Ополе, Польша].

Согласно этим официальным расследованиям, в округе Иоганнисбург, на участке 50-й армии 2-го Белорус-ского фронта, наряду с другими бесчисленными убийствами, выделялось убийство 24 января 1945 г. 120 (по другим данным - 97) гражданских лиц, а также нескольких немецких солдат и французских военнопленных из колонны беженцев у дороги Никельсберг - Герцогдорф южнее Арыса [ныне Ожиш, Польша]. У дороги Штоллендорф - Арыс было расстреляно 32 беженца, а у дороги Арыс - Дригельсдорф под Шлагакругом 1 февраля по приказу советского офицера - около 50 человек, большей частью детей и молодежи, вырванных у их родителей и близких в повозках беженцев.

Под Гросс Розеном в конце января 1945 г. сожгли заживо около 30 человек в полевом сарае. Один свидетель видел, как у дороги на Арыс *«лежали один труп за другим»*. В самом Арысе было про-изведено *«большое число расстрелов»*, видимо, на сборном пункте, а в пыточном подвале НКВД - *«истязания жесточай-шего рода»* вплоть до смерти.

В силезском округе Оппельн военнослужащие 32-го и 34-го гвардейских стрелковых корпусов 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта до конца января 1945 г. убили не менее 1264 немецких гражданских лиц... В Готтесдорфе советские солдаты 23 января 1945 г. расстреляли около 270 жителей, включая маленьких детей и 20-40 членов Марианского братства. В Карлсруэ были расстреляны 110 жителей, включая

обитателей Аннинского приюта, в Куппе - 60-70 жителей, среди них также обитатели дома престарелых и священник, который хотел защитить от изнасилования женщин. Но Иоганнисбург и Оппельн были лишь двумя из множества округов в восточных провинциях Германского рейха, оккупированных частями Красной Армии в 1945 г.

На основе донесений служб полевого командования отдел «иностранных армий Востока» Генерального штаба сухопутных войск составил несколько списков *«О нарушениях между-народного права и зверствах, совершенных Красной Армией на оккупированных германских территориях»*, которые хотя также не дают общей картины, но по свежим следам событий документируют многие советские злодеяния с определенной степенью надежности.

Так, Группа армий «А» донесла 20 января 1945 г., что все жители вновь занятых ночью населенных пунктов Рейхталь [Рыхталь] и Глауше под Намслау [ныне Намыслув, Польша] были расстреляны советскими солдатами 9-го механизированного корпуса 3-й гвардейской танковой армии. 22 января 1945 г., согласно донесению Группы армий «Центр», под Грюнхайном в округе Велау [ныне Знаменск] танки 2-го гвардейского танкового корпуса *"настигли, обстреляли танковыми снарядами и пулеметными очередями колонну беженцев в 4 км длинной, большей частью женщин и детей, а оставшихся уложили автоматчики"*.

Аналогичное произошло в тот же день неподалеку оттуда, под Гертлаукемом, где были убиты советскими солдатами, частично - выстрелами в затылок, 50 человек из колонны беженцев.

В Западной Пруссии, в неуказанном населенном пункте, в конце января длинный обоз беженцев также был настигнут передо-выми советскими танковыми отрядами. Как сообщили не-сколько выживших женщин *"солдаты сбросили повозки в кюветы на обочинах и набросились на женщин; бросающихся на помощь им детей расстреливали. Присутствующий при этом советский полковник регулировал очередь насильников, в то время как другой офицер стрелял бьющихся в истерике детей и стариков"*.

Танкисты 5-й гвардейской танковой армии облили лошадей и повозки бензином и подожгли их: *«Часть гражданских лиц, состоявших в большинстве из женщин и детей, прыгнули с повозок и попытались спастись, причем некоторые уже походили на живые факелы. После этого большевики открыли огонь. Лишь немногим удалось спастись»*. Точно так же в районе Плонене в конце января танки 5-й гвардейской танковой армии напали на колонну бе-женцев и перестреляли ее. *"Трупы женщин, стариков, детей, лежавших среди гор тряпья и перевернутых повозок, устилали обочины дороги до самого горизонта"*.

Всех женщин от 13 до 60 лет из этого населенного пункта, расположенного под Эльбингом [ныне Эльблонг, Польша], красноармейцы непрерывно насильовали самым жестоким образом. Немецкие солдаты из танковой

разведроты нашли одну женщину с распоротой штывком нижней частью живота, а другую молодую женщину - на деревянных нарах с разможенным лицом. Уничтоженные и раз-грабленные обозы беженцев по обе стороны дороги, трупы пассажиров, лежащие рядом в придорожном рву, были обна-ружены также в Майслатайне под Эльбингом.

Об умышленном уничтожении гусеницами или обстреле обозов беженцев, всюду тянувшихся по дорогам и хорошо распознаваемых в качестве таковых, сообщалось из восточных провинций повсеместно, например, из района действий советской 2-й гвардейской танковой армии. В округе Вальдродде 18 и 19 января 1945 г. в нескольких местах подобные колонны останавливали, атаковывали и частично уничтожали; *«падавших женщин и детей расстреливали или давили»* или, как говорится в другом сообщении, *«большинство женщин и детей убивали»*. Советские танки обстреляли под Вальдродде из орудий и пулеметов немецкий госпитальный транспорт, в результате чего *«из 1000 раненых удалось спасти лишь 80»*. Кроме того, сообщения о нападениях советских танков на колонны беженцев имеются из Шауэркирха, Гомбина, где были *«убиты порядка 800 женщин и детей»*...

В лесной сторожке под Зольдином советскими солдатами 2-й гвардейской танковой армии были убиты семья лесника и все находившиеся там беженцы, неподалеку оттуда заживо сожжены немецкие солдаты, которые укрылись в сарае. Лишь в 1995 г. под Зольдином

(ныне Мыслибуж, Польша) было обнаружено массовое захоронение с останками 120 гражданских лиц.

Из зверств, продолжавших регистрироваться в Восточной Пруссии, также можно привести лишь немногие. Так, красно-армейцами 3-го гвардейского кавалерийского корпуса близ небольшого населенного пункта Толльниккен были расстреляны: семья из 7 человек, включая маленьких детей, поскольку родители воспротивились изнасилованию двух своих дочерей, а также молодой человек, крестьянин и трое немецких солдат.

Более детальные расследования, как под Гумбинненом, Голдапом, Эльбингом и в некоторых других местах, удавалось провести лишь в случае нового занятия потерянной территории немецкими войсками, что случалось достаточно редко: так, в захваченных 28-30 января 1945 г. частями 10-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии населенных пунктах вокруг Прейсиш-Голланд [ныне Пасленк, Польша]. В донесении Группы армий «Север» от 2 февраля 1945 г. сказано, например, что в Гёттхендорфе, Дёберне, Борденене жителей перебили или расстреляли. *«В Гёттхендорфе под Прейсиш-Голландом, — говорится в донесении, — только в одной комнате лежат 7 убитых гражданских лиц, среди них 2 пожилые женщины, 2 мужчин, мальчик около 14 лет. В углу скорчившись — 9-летний мальчик с совершенно разбитым черепом, и над ним 15-летняя девочка с исколотыми руками и расцарапанным лицом, штыком изрезаны грудь и живот, нижняя часть тела*

совершенно голая. 80-летний старик лежал застреленный перед дверью».

Когда немецким войскам в конце января удалось освободить поме-ранский городок Прейсиш-Фридланд [ныне Дебно, Польша] и окружающие населенные пункты, судебные и санитар-ные офицеры немецкой 32-й пехотной дивизии провели до-просы среди выживших. В докладе командования 2-й армии от 14 февраля 1945 г. констатируется: *«В Прейсиш-Фридланде и в деревне Цискау 29 и 30 января были расстреляны после му-чительнейших пыток большинство находившихся там муж-чин. Дома и квартиры были разграблены, разрушены и подо-жжены. По женщинам и детям, которые хотели спастись бег-ством, большевистские убийцы стреляли из винтовок и пуле-метов».* В расположенном в двух километрах от шоссе фольварке во всех комнатах были обнаружены трупы детей, стариков, изнасилованных и застреленных женщин.

В Прейсиш-Фридланде и соседних населенных пунктах расследования выявили и другие зверства. В Линде 29 января 1945 г. были убиты 16 жителей, изнасилованы не менее 50 женщин, минимум 4 женщины убиты после изнасилования. Изнасилована была, в частности, и 18-летняя девуш-ка, лежавшая застреленной в своей крови. В трех комнатах одного большого дома обнаружены пять мертвых женщин и три мертвые девочки, у всех жертв между ногами были вставлены пустые винные бутылки.

В Цискау тоже бы-ли расстреляны *«после мучительнейших пыток»* гражданские лица, а также укрывавшиеся солдаты, включая военнослужа-щего ВМФ, и изнасилованы женщины, отчасти многократно, среди них *«86-летняя старуха и 18-летняя девушка из Бромберга [ныне Быдгощ, Польша], скончавшаяся в страшных му-ках».* *«В Цискау, - сказано в заключении доклада командова-ния 2-й армии, - жену офицера прибили гвоздями к полу. После этого большевики оскверняли ее до смерти»...*

Име-ющийся официальный материал, разумеется, неполон и, кро-ме того, может быть приведен в данном контексте лишь в ши-рокой подборке, кратко и фрагментарно. Но поскольку соответствующие сообщения имеются со всей территории провинций Силезия, Вранденбург, Померания и Восточная Пруссия и всюду имеют своим содер-жанием один и тот же состав преступления: убийства, изна-силования, грабежи, мародерство и поджоги, то в целом они все же создают правдивую картину страшных событий...

...Вблизи границы рейха, западнее Велюни, советские солда-ты 1-го Украинского фронта облили бензином повозки обоза беженцев и сожгли их вместе с пассажирами. На дорогах лежали бесчисленные тела немецких мужчин, женщин и детей, ча-стично в изувеченном состоянии - с перерезанным горлом, отрезанным языком, вспоротым животом. Также к западу от Велюни 25 служащих Организации Тодта были расстреляны танковыми экипажами 3-й гвардейской танковой армии. Все мужчины были расстреляны и в

Хайнерсдорфе, женщины изнасилованы, а под Кунцендорфом 25-30 мужчин из фольксштурма получили пули в затылок.

В Беатенгофе под Олау [ныне Олава, Польша] после повторного его занятия все мужчины были найдены убитыми выстрелами в затылок. Преступниками были военнослужащие 5-й гвардейской армии. В Грюнберге [ныне Зелёна-Гура, Польша] 8 семей были убиты военнослужащими 9-го гвардейского танкового корпуса. Ареной ужасных преступлений стало имение Танненфельд под Гротткау [ныне Гродкув, Польша]. Там красно-армейцы из 229-й стрелковой дивизии изнасиловали двух девушек, а затем убили их, надругавшись над ними. Одному мужчине выкололи глаза и отрезали язык. То же самое произошло с 43-летней полькой, которую затем замучили до смерти.

В Альт-Гротткау военнослужащие той же дивизии убили 14 военнопленных, отсекали им головы, выкололи глаза и раздавили танками. Красноармейцы этой же стрелковой дивизии несли ответственность и за злодеяния в Шварценгрунде под Гротткау. Они насиловали женщин, включая монастырских сестер, застрелили крестьянина Калерта, вспороли живот его жене, отрубили ей руки, застрелили крестьянина Христофа и его сына, а также молодую девушку. В имении Айсдорф под Мерцдорфом советские солдаты из 5-й гвардейской армии выкололи глаза пожилому мужчине и пожилой женщине, по-видимому - супружеской паре, и отрезали им носы и пальцы. Вблизи

были найдены зверски убитыми 11 раненых солдат Люфтваффе.

Точно так же в Гютерштадте под Глогау [ныне Глогув, Польша] был обнаружен 21 немецкий военнопленный, убитые красноармейцами из 4-й танковой армии. В деревне Хеслихт под Штригау [ныне Стшегом, Польша] Мария Хайнке нашла своего мужа, еще подававшего слабые признаки жизни, умирающим в советском караульном помещении. Медицинское обследование выявило, что у него были выколоты глаза, отрезан язык, несколько раз переломана рука и разможжена черепная коробка.

Военнослужащие 7-го гвардейского танкового корпуса в Оссиге под Штригау насильствовали женщин, убили 6-7 девушек, застрелили 12 крестьян и совершили аналогичные тяжкие преступления в Хертвиссвальдау под Яуэром [ныне Явор, Польша]. В Лигнице [ныне Легница, Польша] были обнаружены трупы многочисленных гражданских лиц, расстрелянных советскими солдатами из 6-й армии. В городке Костенблют под Неймарктом [ныне Сьрода-Слёнска, Польша], захваченном частями 7-го гвардейского танкового корпуса, насильствовали женщин и девушек, включая и находившуюся на сносях мать 8 детей. Брат, попытавшийся заступиться за нее, был застрелен. Расстреляны были все военнопленные иностранцы, а также 6 мужчин и 3 женщины...

Неподалеку за Скампе, у дороги на Ренчен [ныне Збоншинь, Польша], были найдены трупы мужчины и женщины. У женщины был распорот живот, вырван зародыш, а отверстие в животе заполнено нечистотами и соломой. Вблизи находились трупы трех повешенных муж-чин из фольксштурма. В Кае под Цюллихау военнослужащие 33-й Армии убили выстрелами в затылок раненых, а также женщин и детей с од-ного обоза. Город Ной-Бенчен [ныне Збоншичек, Польша] красноармейцы разграбили и затем умышленно подожгли. У дороги Швибус [ныне Свободзин, Польша] - Франкфурт красноармейцы из 69-й армии перестреляли гражданских лиц, включая женщин и детей, так что *"трупы лежали друг на дру-ге"*. В Реппене все мужчины с проходящего обоза беженцев были расстреляны советскими солдатами из 19-й ар-мии, а женщины изнасилованы...

Ударная группа Власовской армии во главе с полковником РОА Сахаровым 9 февраля 1945 г. при поддержке немцев вновь заняла расположенные в излучине Одера населенные пункты Нойлевин и Керстенбрух. Согласно немецкому докладу от 15 марта 1945 г., население обоих пунктов *«подвергалось са-мым жутким надругательствам»*. В Нойлевине были найдены застреленными бургомистр, а также находившийся в отпуске военнослужащий вермахта. В одном сарае лежали трупы трех оскверненных и убитых женщин, у двух из которых были связаны ноги. Одна немецкая женщина лежала застреленной у дверей своего дома. Пожилая супруже-ская пара была задушена. В Нойбарниме были найдены мертвыми 19 жителей. Тело хозяйки гостиницы было изувечено, ноги связаны

проволокой. Здесь, как и в других населенных пунктах, осквернялись женщины и де-вушки, а в Керстенбрухе — даже 71-летняя старуха с ампутиро-ванными ногами. Картину насильственных преступлений со-ветских войск в этих селах излучины Одера, как и повсюду, дополняют грабежи и умышленные разрушения...

...Из Померании за февраль 1945 г. поступило лишь относительно немного сообщений, так как бои на прорыв здесь по-настоящему начались только в конце месяца...В Едерсдорфе военнослужащие 2-й гвар-дейской танковой армии пристрелили 10 эвакуированных женщин и 15-летнего юношу, добились еще живые жертвы штыками и пистолетными выстрелами... В Гросс-Зильбере под Каллисом красноармейцы из 7-го гвардейского кавалерийского корпуса изнасиловали молодую женщину палкой от метлы, отрезали ей левую грудь и размозжили череп...

О жутком событии сообщил командир немецкого инженерно-танкового батальона 7-й танковой дивизии. В конце февраля 1945 г. советские офицеры из 1-й (или 160-й) стрелковой дивизии севернее Конитца загнали для разведки на минное поле детей в возрасте 10-12 лет. Немецкие солдаты слышали жалобные крики детей, тяжело раненых взорвавшимися минами, *"бессильно истекавших кровью, которая лилась из разорванных тел"*.

В Восточной Пруссии, за которую велись ожесточенные бои, в феврале 1945 г. зверства продолжались с неослабевающей силой, невзирая на

приказы противоположного свойства... Так в Ландсберге советские солдаты из 331-й стрелковой дивизии согнали ошеломленное население, включая женщин и детей, в подвалы, подожгли дома и стали стрелять по бегущим в панике людям. Многие сгорели заживо. В деревне у дороги Ландсберг-Гейльсберг военнослужащие той же стрелковой дивизии 6 дней и ночей держали взаперти в подвале женщин и девушек, некоторые из которых были прикованы цепями, и при участии офицеров каждодневно насиловали много раз. Из-за отчаянных криков двое из этих советских офицеров на глазах у всех вырезали двум женщинам языки *"полукруглым ножом"*. Немецким солдатам-танкистам удалось освободить лишь немногих из несчастных, 20 женщин умерли от надругательств.

В Хансхагене под Прейсиш-Эйлау [ныне Багратионовск] красноармейцы из 331-й стрелковой дивизии расстреляли двух матерей, воспротивившихся изнасилованию своих дочерей, и отца, дочь которого в это же время была вытащена из кухни и изнасилована советским офицером. Далее, были убиты: супружеская пара учителей с 3 детьми, неизвестная девушка-беженка, тракторщик и фермер, 21-летнюю дочь которого изнасиловали. В Петерсхагене под Прейсиш-Эйлау военнослужащие этой дивизии убили двух мужчин и юношу 16 лет по имени Рихард фон Гофман, подвергнув жестокому насилию женщин и девушек.

В начале февраля 1945 г. советские войска неожиданно ворвались в западную часть Замланда,

овладев большим числом населенных пунктов. Через несколько дней немцам удалось разбить и частично отбросить передовые силы и в ходе смелой наступательной операции крупного масштаба восстановить 19-20 февраля 1945 г. прерванную наземную и морскую связь с Кенигсбергом. Командование армейской группы Замланд и Группы армий «Север» с помощью полиции провело расследования о судьбе населения на вновь освобожденной территории, результаты которых имеются, правда, лишь по нескольким населенным пунктам.

Так, военнослужащие 39-й армии убили в Георгенвальде 4 гражданских лиц и бросили трупы в пламя подожженного имения... В Крагау военнослужащие 91-й гвардейской стрелковой дивизии изнасиловали и задушили двух молодых женщин, в Меденау военно-служащие 358-й стрелковой дивизии убили по меньшей мере 11 гражданских лиц. Здесь перед одним домом лежали трупы двух убитых женщин, маленького ребенка и грудного младенца. Двух пожилых мужчин и 14-летнего юношу забили, точно так же - двух женщин и двух девочек после изнасилования. Совершенно раздетое тело 30-летней женщины имело колотые раны на груди, у нее был рассечен череп, она была изрешечена выстрелами. В Гросс-Ладткайме военнослужащие 91-й гвардейской стрелковой дивизии расстреляли 2-х немецких военнопленных и 4-х гражданских лиц, включая бургомистра и его жену. От их 18-летней дочери не осталось никаких следов. Однако был найден

труп молодой девушки, которой после изнасилования отрезали груди и выкололи глаза.

В Краттлау военнослужащие 275-го гвардейского стрелкового полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии убили 6 мужчин и двух немецких солдат. Всех женщин и девушек, включая 13-летних, беспрерывно насиловали, некоторые женщины *"подвергались сексуальному насилию по 6-8 солдат 5-8 раз в день"*. В Аннентале немецкие освободители нашли трупы двух женщин, которых осквернили (одну - на навозной куче) и затем задушили. Детальное расследование удалось провести в Гермау, где располагались штабы 91-й гвардейской стрелковой дивизии и 275-го гвардейского стрелкового полка.

В Гермау были обнаружены трупы 21 убитого - мужчины, женщины и дети. 11 человек не вынесли чудовищных пыток и сами покончили с собой. 15 немецких раненых убили, разбив им головы, одному из них затолкали в горло губную гармошку... У дороги Гермау-Пальмниккен [ныне Янтарный] были найдены две девочки. Обеим с близкого расстояния выстрелили в голову, у одной были выколоты глаза...

На подходах к Метгетену (курортный пригород Кенигсберга) были найдены трупы нескольких сот немецких солдат, отчасти изувеченных до неузнаваемости. Почти во всех домах и садах лежали убитые мужчины, женщины и дети, у женщин наблюдались явные следы изнасилования, зачастую были

отрезаны груди, две 20-летние де-вушки были разорваны автомашинами. На вокзале стоял, по меньшей мере, один поезд с беженцами из Кенигсберга. В каждом вагоне лежали тела *«зверски убитых беженцев любого возраста и пола»*. Теннисную площадку в Метгетене битком набили немецкими военнопленными и гражданскими лица-ми, а затем был приведен в действие разрывной заряд. Части человеческих тел находили даже в 200 м от гигантской взрывной воронки.

27 февраля 1945 г. капитан из штаба коменданта крепости Зоммер случайно обнаружил за одним домом в гравийном карьере у дорожного перекрестка перед Метгетеном трупы 12 совершенно раздетых женщин и детей, лежавших вместе *«беспорядочной кучей»*, они были растерзаны ударами штыков и ножей. Помимо отдельных трупов, рассеянных по всему курортно-му поселку, которых насчитывались сотни, было обнаружено несколько больших земляных холмов, под которыми, как ока-залось, были погребены сотни (согласно капитану Зоммеру и профессору д-ру Ипсену - 3000) убитых. Расследование комиссии, назначенной комендантом крепости, гене-ралом пехоты Лашем, складывалось сложно, поскольку советские военнослужащие облили кучи трупов бензином и попытались их сжечь. Тем не менее, удалось установить, что большинство жертв было не расстреляно, а зачастую жестоко убито рубящим и колющим оружием...

Западнее Метгетена, как сообщил капитан Зоммер, у доро-ги вплоть до Повайена всюду лежали трупы гражданских лиц, либо убитых выстрелами в затылок,

либо «*совершенно раздетых, изнасилованных и затем зверски убитых ударами штыков или прикладов*». У дорожного перекрестка перед Повайеном четыре раздетые женщины были раздавлены советским танком. Капитаном Зоммером, а также майором профессором Ипсеном засвидетельствована прямо-таки символичная гнусность: в церкви Гросс-Хейдекруга была распята молодая девушка, а справа и слева от нее повешено по немецкому солдату..."

На этом мы остановим калейдоскоп чудовищных событий, отображенных в собранных И.Гофманом документах из немецких архивов. Постараемся теперь "подкрутить резкость" и увидеть, как ЭТО происходило в одном, отдельно взятом немецком городе. Даже не городе, а маленьком силезском городке с населением всего в 17 тыс. человек.

Штригау. Это название до недавних времен никому ни о чем не говорило (в отличие, например, от Неммерсдорфа, о трагических событиях в котором исписано уже много бумаги). Один из многих немецких городов и поселков нижней Саксонии, по воле Сталина оказавшихся после Второй Мировой войны в составе Польши. До войны в Штригау жило порядка 17-20 тыс. человек, к началу февраля 1945 г. поток беженцев увеличил население городка до 30 тыс. (хотя точных цифр, разумеется, сегодня не сможет назвать никто).

13 февраля 1945 г. войска 1-го Украинского фронта заняли Штригау. Четыре недели спустя городок снова оказался в немецких руках в результате одной из последних попыток вермахта перейти в контрнаступление. В Штригау немецкие войска обнаружили 30 (тридцать) живых жителей и порядка двух сотен неубранных трупов. Предположительно, 13-15 тыс. человек бежало из города до занятия его советскими войсками, остальные были изгнаны из своих домов, частично - отправлены на принудительные работы в СССР (всего из Германии и стран Восточной Европы на принудительные работы в СССР было вывезено **267 тыс.** немцев - не считая военнопленных).

Сотрудники немецкой крими-нальной полиции и члены похоронных коман-д в своих письменных отчетах описали то, что предстало их глазам в опустевшем городе. Два немецких историка ("неофашисты", в терминах товарища Ржешевского) Мартин Бояновски и Эрих Босдорф опубликовали эти свидетельства в своей книге «Штригау. Судьба одного силезского города», которую Научная комиссия Федерального правительства Германии по изучению истории изгнания привлекла в качестве документального материала.

Донесения о погибших в Штригау были разделены на «групповые находки и единичные находки» с точным указанием улицы и дома. Это выглядело так:

- "в сточной канаве лежит раздавленный тяжелыми транспортными средствами труп подростка примерно 14 лет, выстрел в затылок"

- "на диване лежит частично обнаженная мертвая женщина, два выстрела в рот"

- "труп 72-летней женщины с выколотыми глазами"

- "придавленный ящиком труп застреленной женщины".

- "среди обломков стекла и фарфора в разграбленном магазине труп застреленной пожилой женщины с обнаженной нижней частью тела"

- "трое мужчин, две женщины и ребенок примерно двух лет, застрелены"

- "женщина 30-35 лет с обнаженной нижней частью тела, рядом в нескольких метрах женщина более старшего возраста, обхватив руками дерево, застрелены"

- "труп мужчины с ножными протезами, рядом жена и ребенок, застрелены"

- "три пожилые женщины с обнаженной нижней частью тела и следами изнасилования, застрелены; на чердаке дома труп пожилого мужчины, повешенный вниз головой"

- "на дверной щеколде висит труп мужчины, на чердаке лежат два обнаженных женских трупа со следами садистского изнасилования, застрелены; на диване застреленный мальчик примерно 12 лет, на кровати обнаженный труп 18-летней девушки со следами садистского изнасилования, застрелена"

- "в подвале застреленная по-жилая супружеская пара, глаза выколоты..."

Кроме многочисленных зверских убийств по-хоронные команды зафиксировали в Штригау многочисленные случаи самоубийств, в том числе - групповых:

- "три женских трупа и один детский, самоубийство посредством газа"

- "самоубийство супружеской пары через повешение на оконной раме; в подвале трупы одного мужчины и двух девушек разного возраста, самоубийство через повешение"

- "четыре женских трупа и один подросток, смерть через отравление газом"

- "два женских трупа, самоубийство посредством отравления газом"

- "мать и дочь, сидя за столом, самоубийство посредством отравления газом"

- "женщина вскрыла себе артерии, но перед этим удушила скрученным полотенцем свою дочь, лежащую рядом"

- "на чердаке, рядом друг с другом повешены две пожилые женщины, одна молодая женщина, девушка примерно 20 лет и девочка 10 -11 лет, все со следами изнасилования».

Подробности этого коллективного самоубийства на чердаке в доме № 5 по Циганштрассе известны, как это

не невероятно, от одной из участниц страшного события. Сохранилось письмо этой женщине (ей тогда было 47 лет), которое она написала сыну одной из погибших женщин. Опуская из уважения к читателю описание бесконечных групповых изнасилований ("сексуальных коллизий", как выразился генерал армии И.Третьяк), перейдем сразу к концу письма:

"...Около 10 часов утра стало спокойнее, и мы все пошли в квартиру молодой фрау К., ее 11-летнюю дочь Траутель тоже изна-силовали. Там мы сварили какую-то еду. Но тут снова слышались шаги, и все повторилось снова. Мы кричали, мы умоляли их, чтобы они, наконец, оставили нас в по-кое, но они не знали жалости. Мы все договорились по-веситься. Но опять кто-то пришел. Когда, наконец, они удалились, мы как можно быстрее побежали на чердак. Фрау Р. повесилась первой. Молодая фрау К. сначала повесила свою дочь Траутель, а потом повесилась сама. Так же поступила Ваша матушка с Вашей сест-рой (т.е. мать повесила собственную дочь - М.С.).

И вот мы остались только вдвоем, Ваша мама и я. Я попросила её, чтобы она сделала петлю для меня, сама я не была на это способна из-за возбуждения. Мы еще раз обнялись напоследок и отбросили дорожную корзину, на которой стояли. Я все-таки достала ногами до пола, веревка оказалась слишком длинной. Я посмотрела направо, затем налево, все висели в ряд, все были мертвы. Мне же не оставалось ничего другого, как только попытаться освободиться от веревки..."

Достоверны ли приведенные выше сведения? Можно ли верить документам, отчетам, свидетельствам лишь с одной, т.е. немецкой, стороны? Где экспертное заключение независимых и непредвзятых свидетелей? Увы, его нет. Где документы следственных дел советских военных трибуналов? Где отчеты советской военной прокуратуры? Их тоже нет. Почему же мы должны верить заявлениям одной, причем явно заинтересованной, стороны?

Вопрос хороший. Сильный, можно сказать, вопрос. Вполне соответствующий "новому мышлению", нормам и принципам правового государства. Правовое государство, как известно, предполагает наличие большой популяции адвокатов. Незыблемый принцип адвокатской работы известен: "Меня не интересует, совершал ли мой клиент инкриминируемое ему преступление, но я докажу, что обвинение не соответствует букве закона". Судя по тому, что многие адвокаты становятся состоятельными людьми, этот принцип неплохо работает.

И тем не менее, далеко не всегда и не все убийцы и насильники, нагло улыбаясь, выходят на свободу прямо из зала суда. К счастью, платный адвокат не является единственным участником процесса - есть еще

присяжные заседатели, есть судьи, имеющие столь же правовое право принимать решение *ex aequo et bono* (по совести и справедливости), опираясь не только на букву закона, но и на "внутреннее убеждение" (это, кстати, вполне узаконенный российским УПК термин).

По совести и справедливости каждому должно быть ясно, что чудовищные преступления, совершенные в годы Второй Мировой войны, далеко не всегда (если не сказать жестче: "почти никогда") могут быть установлены в рамках формально-бюрократических процедур. Какая "комиссия независимых экспертов из нейтральной Швейцарии" установила факт зверского убийства жителей белорусской деревни Хатынь? Где документы? Где независимые свидетели? Впрочем, некоторые документы, как ни странно, сохранились. В архиве. Поэтому их можно с полным основанием назвать "архивными документами" (на некоторых читателей эти два слова производят магическое действие). В отчете командира 118-го полицейского батальона (сформирован из военнопленных Красной Армии в Киеве) карательная операция, проведенная в Хатыни 22 марта 1943 г., описана следующим образом:

"...Деревня была окружена и атакована со всех сторон. Противник при этом оказал упорное сопротивление и вел огонь из всех домов, так что пришлось применить тяжелое оружие - противотанковые пушки и тяжелые минометы. В ходе боевых действий наряду с 34 бандитами убито много жителей села. Часть из них погибла в пламени..."

Итак, архивные документы "неопровержимо" свидетельствуют: бой, противник, бандиты, часть жителей погибла в пламени. Случайно, надо полагать...

И если мы - вполне справедливо - считаем кощунством подобные рассуждения, равно, как и любые иные попытки поставить под сомнение реальность массовых преступлений, совершенных гитлеровцами и их пособниками на советской земле, то почему же в отношении преступлений, жертвами которых стали немецкие женщины и дети, должен применяться другой стандарт?

31 августа 1941 г. "Правда" опубликовала статью А.Н.Толстого "Лицо гитлеровской армии". 66 лет спустя издается книга А.Дюкова, в которой со ссылкой на эту статью сообщается, что *"на окраине деревни близ Белостока на пять заостренных колов было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей"*. Каким образом выдающийся советский писатель, находясь за тысячу километров от занятого немцами в первые дни войны Белостока, мог удостовериться в таких ужасающих подробностях преступления? И если статья в "Правде" военной поры (да еще и написанная известным своей "принципиальностью" автором, который за два года до того в той же газете и почти в тех же самых выражениях

живописал зверства польской армии, бегущей под ударами дружественного на тот момент вермахта) должна считаться "документом", то почему менее достоверными должны считаться тысячи свидетельств, данных под присягой вполне конкретными людьми и опубликованных от имени Комиссии Федерального правительства демократической Германии?

Да, каждое по отдельности сообщение о военных преступлениях может при тщательной проверке оказаться неточным, преувеличенным, а то и вовсе вымышленным (не говоря уже о том, что в подавляющем большинстве случаев проверка, соответствующая строгим юридическим нормам, окажется практически невыполнимой). И в то же время, вся совокупность событий, зафиксированная в таком "архиве", как народная память, не может не быть правдой.

Впрочем, не стоит думать, что попытки проверить (точнее говоря - любой ценой опровергнуть) сообщения о зверских расправах с гражданским населением Германии не предпринимались. Еще как предпринимались, с огромным шумом и помпой. Вот, например, в 2008 г. издательство "Яуза-ЭКМО" выпустило в свет сборник статей под названием "Нам не за что каяться!" (ошеломляющий призыв для страны, население которой, если верить социологическим опросам последних лет, на три четверти считает себя православным). В предисловии к сборнику упомянутый выше А.Дюков пишет (правильнее сказать - кричит):

"...Нас пытаются лишить Великой Победы. Нам рассказывают о том, что Победа обернулась

порабощением Восточной Европы, что советские солдаты изнасиловали Германию...России не останется ничего другого, как платить и каяться, каяться и платить, превратившись из субъекта в объект международной политики (странным образом г-н Дюков не замечает, что демократическая Германия и платит, и кается, и остается при этом одним из самых влиятельных субъектов мировой политики)... Время не ждет. Если мы не хотим, чтобы наших дедов и прадедов называли убийцами, пьяницами и мародерами, если мы не хотим, чтобы наших детей учили плевать на могилы предков..."

После такой "артподготовки" в сборнике появляется статья под названием "Неммерсдорф: между правдой и пропагандой" (автор И.Петров). Так в чем же правда?

Начинается статья с того, что И.Петров вполне откровенно признает: *"Скажу сразу: имеющиеся на данный момент материалы практически не позволяют усомниться в том, что убийство гражданских лиц в Неммерсдорфе - дело рук солдат и офицеров Красной Армии"*. Далее констатирует еще один, весьма странный и несомненно прискорбный факт: *"Если в каких-то архивах и содержатся доклады "особистов" о случившемся в Неммерсдорфе, то историки доступа к ним пока не получили"*. Напоминаю: "пока" - это 64 года спустя.

О чем же тогда многостраничная статья? Вся неуклюжая попытка "разоблачения" сводится к поиску мелких и мельчайших неточностей, неувязок и

нестыковок в имеющихся немецких документах и свидетельствах (*"лейтенант Цирн видел 7 убитых, унтер-офицер Шайбле - 11, и лишь майор Браумюллер говорит о 15... ни в одном отчете не упоминается выстрел в правый глаз, которым согласно рапорту Хинрихса была убита одна из девушек... человека, прибитого к дверям, никто не видел, заключение делается на основании ран на руках и показаний тяжелораненой свидетельницы, затем увезенной в неизвестном направлении и впоследствии так и не идентифицированной..."*).

Разумеется, подобных нестыковок много. Их и не могло быть мало, учитывая обстоятельства времени и образа действий всех участников трагедии. Главное же "достижение" исследователя - утверждение о том, что в самом Неммерсдорфе было убито "всего лишь" 26 мирных жителей, а принятая в западной историографии цифра 70 относится к числу убитых как в самом Неммерсдорфе, так и на прилегающих к нему хуторах и имениях. Каяться же в убийстве гражданских лиц не надо, потому что... Да, разумеется, потому, что мы должны и сейчас, в 2008 году, сверять свои слова с делами доктора Геббельса:

"Геббельсовской пропаганде было необходимо пугало для населения восточных провинций рейха, и советские солдаты, расстреляв стариков, женщин и детей, сыграли ей на руку. Жуткие цвета и кровавые детали большей частью добавили уже сами пропагандисты..."

Иногда отчаянное нежелание называть факты своими именами приобретает совсем уже фарсовый характер. Так, российский интернет-портал Infox.ru разместил 12 января 2009 г. сообщение о том, что в древнем прусском городе Мариенбург (ныне Мальборк, Польша) в ходе строительных работ было обнаружено массовое захоронение. Около 1800 человек, в том числе женщины и дети, были захоронены голыми, без одежды, обуви, ремней, очков и зубных коронок. Более 100 черепов имели явные следы пулевых пробоин. Исходная статья в британской газете "Гардиан" имела заголовок "Remains of 1,800 German civilians found in wartime massgrave". В подзаголовке к статье было высказано предположение, что "men, women and children" (мужчины, женщины и дети) "have been killed as Red Army captured town" (были убиты, когда Красная Армия заняла город).

Трудно поверить, что в Москве златоглавой нельзя было найти переводчика, способного разобраться со словосочетанием "German civilians" (немецкие гражданские лица). Однако статья в российском интернет-издании получила название "В Польше найдено массовое захоронение немецких солдат", а в подзаголовке было сказано еще интереснее: *"Эксперты подозревают, что это поляки, погибшие от советского оружия"...*

Времена, однако же, меняются, и в 2008 г. появилась статья, в которой без малейших оговорок и экивоков, самым, что ни на есть, прямым текстом были названы чудовищные факты:

"...14 миллионов немцев были изгнаны из своих домов, лишь 12 миллионов сумели добраться до Германии живыми... Изгнание немцев из Восточной Европы сопровождалось масштабнейшим организованным насилием... оставшееся немецкое население сгоняли в концентрационные лагеря; взрослые использовались на принудительных работах, причем в зиму 1945/1946 года смертность в лагерях достигала 50%.

Так, в лагере Потулице в период между 1947 и 1949 годом от голода, холода, болезней и издевательств со стороны охранников погибла половина заключенных...

Один из самых чудовищных случаев произошел в ночь с 18 на 19 июня 1945 г. в городе Прерау, где расстреляли 265 немцев, среди которых было 120 женщин и 74 ребенка. Самому старшему из убитых было 80 лет, а самому младшему - восемь месяцев..."

Причем опубликовал эту статью ("Изгнаны и убиты") не какой-нибудь печатный листок временно недобитых либералов, "шакалящих у дверей западных посольств", а вполне респектабельный, дорогой и солидный журнал "Эксперт" (№ 30 от 28 июля 2008 г.). Заметим, что редакция журнала позиционирует свое детище, как *"одно из самых влиятельных еженедельных аналитических изданий России, заслужившее репутацию несомненного лидера деловой журнальной прессы"*, а гендиректор медиахолдинга "Эксперт" г-н Фадеев по совместительству является директором близкого к "Единой России" Института общественного проектирования и председателем комиссии в Общественной палате РФ.

Самое же удивительное в истории с публикацией "Эксперта" то, что никто не возмутился! Никто! Ни товарищ Гареев, "как на духу" не слыхавший о случаях изнасилования (не говоря уже про убийства), ни товарищ Ржешевский, неизменно требующий предъявить "веские документальные основания для выдвижения столь тяжелых обвинений", ни товарищ Дюков, крайне обеспокоенный тем, что России придется "платить и каяться"...

А разгадка предельно проста. Она сводится к одному слову из трех букв: ПРО.

После того, как бывшие союзники по Варшавскому договору перешли в НАТО, да еще и дали согласие на размещение элементов американской системы ПРО на своей территории, у части российских историков и журналистов внезапно прорезалась память. Они разом вспомнили давно известные факты (еще полвека назад, в далеком 1957 г. "Воениздат" выпустил сборник статей немецких авторов "Мировая война 1939-1945 гг.", в котором на стр. 598 потери гражданского населения восточных областей Германии оценивались цифрами **в 1 - 1,55 млн. человек**) и поспешили напомнить Польше и Чехии некоторые забытые эпизоды их послевоенной истории.

Статья в "Эксперте" написана в высшей степени "взвешенно и политически выдержанно". Главный акцент - на изгнании немецкого населения из Чехии и

переданных Польше районов восточной Германии; короткой скороговоркой - про события в Венгрии и Румынии (там американской ПРО пока нет и не предвидится) и ни одного слова (!!!) о Югославии ("братская Сербия, противостоящая натовской агрессии"), где в 44-45 г.г. погибло 69 тыс. человек - каждый третий из 200 тыс. немцев, не успевших бежать из страны. И что само собой разумеется - ни одним словом "Эксперт" не вспомнил о том, что в городах и поселках Восточной Пруссии, отошедших к Советскому Союзу, немцев изгоняли и убивали точно так же, как и в районах Восточной Пруссии и Померании, переданных Польше; что товарищ Сталин тоже несет некоторую ответственность за события, произошедшие на оккупированной Красной Армией территории Чехословакии, Венгрии и Югославии; что марионеточное "польское правительство" товарища Верута без согласия Москвы не то, что три миллиона немцев - три табуретки в собственном офисе не посмело бы переместить с места на место...

Завершая печальный перечень фактов массовой депортации и массовых убийств немецкого населения, мне остается только сообщить читателю, что я его обманул. Причем трижды.

В приведенные выше отрывки из книги И.Гофмана я вставил три эпизода из мемуаров Л.Н.Рабичева (старший лейтенант, на фронте с декабря 1942 г., дошел до Праги, награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом "Красная Звезда", медалями). Его воспоминания (опубликованы в журнале "Знамя",

№ 2/2005 г.) почти дословно совпадают со свидетельствами, приведенными И.Гофманом. И это при том, что "плагиат" (или неосознанное копирование) невозможны в принципе: Гофман умер за три года до выхода в свет мемуаров Рабичева, а его книга "Сталинская война на уничтожение" была издана на русском языке лишь в 2006 г.

Без заметных глазу "стыков" и "швов" в цитаты из книги И.Гофмана можно было бы вставить и вот этот отрывок из докладной записки секретаря ЦК ВЛКСМ Н.Михайлова, направленной 29 марта 1945 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову:

"В ночь с 23 на 24 февраля группа офицеров и курсантов в количестве 35 человек явилась в пьяном виде на фольварк Грутенненг, оцепила фольварк, выставила пулеметы, обстреляла и ранила красноармейца, охранявшего здание. После этого началось организованное изнасилование находящихся на фольварке девушек и женщин..." Но такая "вставка" была бы недопустимым подлогом, так как в докладе Михайлова речь шла вовсе не о бесчинствах по отношению к гражданскому населению Германии, а о *"диком и хамском отношении к освобожденным советским девушкам и женщинам"*. С пулеметами в руках *"группа офицеров и курсантов в количестве 35 человек"* штурмовала пункт временного размещения освобожденных от фашистской неволи "остарбайтеров"...

К сожалению, я знаю, чего с нарастающим нетерпением желает сейчас услышать значительная часть читателей. Увы, вынужден заявить со всей определенностью: "Не дождетесь". Предумышленные зверские убийства женщин и детей не могут иметь никаких оправданий. Никаких. Печально, что 147-ми долларовое за баррель "вставание с колен" отравило сознание многих моих соотечественников до такой степени, что они уже не способны понять - каким чудовищным оскорблением памяти павших солдат Великой Отечественной являются рассуждения на тему о том, что "гитлеровцы ТОЖЕ убивали женщин и детей..."

Здесь нет темы для дискуссии, и я не буду тратить время на пустое морализирование. Нормальные люди меня поймут. Одичавших мне не переубедить. Для тех, кто небезнадежен, процитирую все же несколько строк из статьи И.Эренбурга, напечатанной в "Красной Звезде" 14 марта 1945 г. В них вполне доступно разъяснена разница между скотской злобой и благородной ненавистью солдата-освободителя к врагу:

"Я получил вчера письмо от человека, которого больше нет. На листе бумаги - след крови. Офицер Борис Антонович Курилко погиб на немецкой земле, защищая свободу и честь нашей Родины. Письмо мне переслали его товарищи, и я хочу, чтобы последние слова товарища Курилко дошли до моих читателей, как они дошли до меня. Вот что писал накануне смерти офицер Красной Армии:

«Огонь ненависти поддерживал нас в самые тяжелые дни. Теперь мы в Германии. Наша ненависть ведет нас к Берлину. Немцы думают, что мы будем

делать на их земле то, что они делали на нашей. Эти палачи не могут понять величие советского воина. Мы будем суровы, но справедливы, и никогда, никогда наши люди не унижат себя...»

Гордость переполняет мое сердце, когда я держу этот лист бумаги: на нем кровь героя и на нем слова, написанные кровью, высокие, прекрасные слова. Мы побеждаем фашизм не только на поле брани, мы побеждаем его в моральном поединке между злом и добром...

Наша ненависть - высокое чувство, оно требует суда, а не расправы, кары, а не насилия.... Советский воин пришел в Германию не за добычей, не за барахлом, не за наложницами, он пришел в Германию за справедливостью...

Защитник Сталинграда, солдат Ельни, Ржева и Севастополя выше немцев: выше не по «крови» — оставим низким «арийцам» их низкие выдумки — выше по сознанию, по совести, по сердцу. Он презирает немцев, презирает их мишуру, их барахло, их флаги, их газеты, их женщин, их вчерашнюю спесь и сегодняшнюю угодливость. Он пришел сюда не как мститель, он пришел сюда, как судья..."

Другой темой, о которой по мнению многих никак нельзя было умолчать, являются бомбардировки Германии англо-американской авиацией. Да, действительно, массированные бомбардировки (в особенности - неприцельные ночные бомбардировки "по площадям") привели к гибели сотен тысяч безоружных немцев, женщин и детей; лишили крова и имущества миллионы людей, обратили в груды щебня величайшие

памятники европейской истории и архитектуры. Однако в данной статье я вполне осознанно не стал обсуждать эту тему. И не только потому, что стратегические бомбардировки Германии были осуществлены союзниками, по меньшей мере, **при полном согласии советской стороны** (что же касается печально-знаменитой бомбардировки Дрездена, то она состоялась по прямому требованию Сталина, который обвинил в Ялте союзников в предумышленном нежелании разрушить транспортные магистрали восточной Германии). Есть гораздо более значимая причина.

Бомбардировки городов Германии авиацией союзников были частью стратегии ВОЙНЫ. Авиация союзников уничтожала заводы, на которых производили оружие для Гитлера, разрушала железнодорожные станции, по которым перевозили войска Гитлера, убивала и терроризировала немецких рабочих, которые (может быть, и не всегда по своей воле) работали на Гитлера. До сведения немцев было доведено условие, при котором бомбардировки будут прекращены: полная и безоговорочная капитуляция страны-агрессора. Это обещание западные союзники безоговорочно выполнили - ни одна бомба не упала ни на один немецкий город после подписания акта о капитуляции Германии. Более того, даже во время войны - насколько мне известно - союзники не разбомбили ни один немецкий город на занятой/освобожденной территории. Хотя бомб и авиабензина у них хватало, и выразить "чувство мести за разрушенный Ковентри" можно было и таким, технически-сложным, способом. С другой стороны, зверские расправы над гражданским населением

Германии на территориях, контролируемых Красной Армией, начинались как раз таки после захвата этих территорий и подавления вооруженного сопротивления, да и подписание акта о безоговорочной капитуляции мало что изменило в этом кошмаре...

Еще раз повторю - преступления перед человечностью не имеют ни оправдания, ни срока давности. Целью же данной статьи является отнюдь не запоздалое морализаторство, а поиск **подлинных причин**, сделавших возможными трагические и позорные события на немецкой земле. Поиск **объяснений, но не оправданий**. И по моему мнению, вопрос этот совсем не простой.

Желание отомстить за чудовищные злодеяния, совершенные захватчиками на советской земле, конечно же, имело место. Однако не всегда и не всякое желание реализуется в действиях, и не всякое желание рядовых солдат одобряется и допускается командирами. Наконец, кроме внешнего контроля у всякого человека существует еще и самоконтроль. Может быть, я остаюсь неисправимым идеалистом, но мне трудно поверить в то, что нормальный русский мужик, призванный в армию из смоленской деревни, крещеный в детстве, воспитанный в трудовой семье мог прибивать немецких детей языками к столу и распинать женщин на алтарях храмов.

Среди множества народов, населявших многонациональный Советский Союз, были народы, помнящие законы "кровной мести", но я никогда не

слышал, чтобы эти обычаи предполагали зверское групповое изнасилование жены и дочерей "кровного" врага. И мне кажется, что те, кто приписывает солдатам Красной Армии ТАКИЕ способы реализации чувства ненависти к врагу, превзошли самого Геббельса с его тезисом об "азиатских ордах большевиков"...

Отбросив патетику, мы можем констатировать и вполне определенный, твердо установленный - и весьма странный на фоне всего вышеизложенного - факт: немецких военнопленных в советском тылу не расстреливали, не истязали, не распинали на дверях сараев, не давили бульдозерами. Отношение гражданского населения советского тыла к пленным немцам было на удивление толерантным. И это не "красная пропаганда", а доподлинно известный миллионам современников событий факт.

Нет, разумеется, советский плен не был "домом отдыха"; пленных использовали на тяжелых работах, им приходилось жить в непривычном для них холодном климате и в условиях привычных для советских людей голода и лишений. С учетом того, что многие немецкие военнослужащие попали в плен ранеными, обмороженными, больными, тяжелые условия содержания привели к огромной смертности: по самым скромным официальным оценкам в советском плену погибло более 450 тыс. немецких солдат и офицеров. Признавая этот, отнюдь не радостный факт, нельзя не видеть и другое: случаи преднамеренных, тем более - садистских, убийств немецких пленных были крайне редки даже во фронтовой полосе; в тыловых лагерях для

военнопленных они если и имели место, то лишь как редчайшее чрезвычайное происшествие.

Работающие на стройках и шахтах немецкие пленные получали 600 г хлеба (стандартный паек советского рабочего, и это больше, чем норма для неработающих "иждивенцев"), а сердобольные русские женщины порой подкармливали безоружных и беспомощных врагов (о чем с удивлением и благодарностью вспоминали много лет спустя немецкие солдаты). Сотням тысяч немецких пленных в советских военных госпиталях была оказана квалифицированная медицинская помощь, вернувшая их к жизни.

Со всеми оговорками о том, что на войне нет места для нормальной человеческой логики, трудно совместить многолетнее гуманное отношение к обезоруженным немецким солдатам (а на руках у многих из них была кровь мирных советских граждан) и якобы "стихийный взрыв" дикой ненависти к немецким женщинам и детям, по непонятной причине захлестнувший армию в последние месяцы войны.

По меньшей мере в порядке рабочей гипотезы следует предположить, что "жажда мести", охватившая солдат Красной Армии в момент перехода границ Германии, была **и не единственной, и не самой важной в ряду причин**, обусловивших ужасные события на земле Германии. Не так и трудно увидеть другие, более значимые факторы.

Первым (если и не первым по значимости, то вполне очевидным и бесспорным) следует назвать катастрофическое падение воинской дисциплины, каковое падение, конечно же, не с неба упало, а было вполне закономерно обусловлено открытым и массовым мародерством командного состава.

Обычно при любой попытке обсуждения темы насилия над гражданским населением Германии немедленно раздаются голоса, спешащие напомнить о том, что "советское командование отдавало приказ за приказом..." Сущая правда. Приказ за приказом (о них мы поговорим чуть позже). Но для понимания реальной картины событий мне представляется неизмеримо более важным цитировать не многочисленные приказы, в которых мародерам грозили жуткими карами, вплоть до расстрела, а вот этот, ныне уже широко известный, протокол обыска дачи бывшего Главкома группы Советских оккупационных войск в Германии, "маршала Победы" Г.К.Жукова:

"...Две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей. Например: шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов - всего свыше 4000 метров; мехов - собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых - всего 323 шкуры; шевро высшего качества - 35 кож; дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Германии - всего 44 штуки... ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках -- всего 55 штук,

развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе; дорогостоящих сервизов, столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) - 7 больших ящиков; серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов - 2 ящика; аккордеонов с богатой художественной отделкой - 8 штук; уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других - всего 20 штук...

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах - заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу. На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке. Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии..."

Этот протокол был подписан министром госбезопасности СССР Абакумовым 10 января 1948 года. 20 января 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б), "заслушав сообщение комиссии в составе тт. Жданова, Булганина, Кузнецова и Шкирятова", приняло специальное постановление "О т. Жукове Г.К.", в котором, в частности, отмечалось, что "подчиненные Жукова, угождая перед ним, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках, взломали сейф в ювелирном магазине в г. Лодзи (это не Германия, это "освобожденная" Польша - М.С.), изъяв находящиеся в нем ценности, и т.д. В итоге всего этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и

кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т.д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и сверх того еще до 30 килограммов разных серебряных изделий..." (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2198, лл. 28 - 29).

В этом документе для нас самым важным будет упоминание о "подчиненных Жукова". Разумеется, маршал и командующий фронта не сам ползал по развалинам "дворцов и особняков" в поисках добычи, для таких дел существовали полковники из его свиты. Но и полковники не самолично курочили сейфы в ювелирном магазине и не собирали "шкурки обезьяньи и каракульчевые". Практическая работа поручалась майорам и капитанам, которые брали с собой - для порядка и охраны - взвод автоматчиков под командованием лейтенанта, а у лейтенанта был водитель на "виллисе", младший сержант, и тоже парень не промах. Серьги с бриллиантами сержантам приходилось, увы, сдавать начальству, но кое-какая мелочевка и у них в карманах завалилась... Вся эта "логическая цепочка" давно уже имеет в русском языке ясное и вполне однозначное объяснение: "Рыба гниет с головы".

Исключительно и только с головы. При таком поведении старших командиров младшему сержанту можно было зачитать сколько угодно и каких угодно приказов. Это мало что меняло в ситуации, когда Устав был негласно заменен на "понятия". С этого момента Красная Армия начала стремительно меняться. Даже внешне:

"...Красочный, живописный вид имела эта лавина войск, двигавшихся с востока на запад. Танки, задымленные, забрызганные грязью, были покрыты пестрыми, яркими коврами, а на коврах сидели чумазые танкисты в черных, пропитанных машинным маслом бушлатах. Кто-нибудь вытаскивал из-за пазухи бутылку и, запрокинув голову, пил из горлышка, — передавал соседу и хриплым голосом, стараясь перекричать грохот мотора и скрежет гусениц, выкрикивал слова песни...

Орудийная прислуга, удел которой — трястись на зарядных ящиках, обложилась мягкими диванными подушками, вышитыми шелком, и чувствовала себя превосходно: пиликала на немецких губных гармониках, растягивала меха аккордеонов, богато отделанных перламутром и серебром.

В потоке танков, орудий, автомашин, армейских двуколок, нередко попадалась старинная помещичья, карета - крытая, с зеркальными дверцами и фонарями, или длинное ландо с лакированными закрылками. В каретах сидели молоденькие офицеры и солдаты - в шинелях с погонами, автоматами через плечо, но в цилиндрах и с зонтиками..."

Действительно, вид был очень красочный. Как пишет И.Гофман, *"Красная Армия находилась в состоянии нарастающего одичания... советские солдаты перешли к тому, чтобы вместо предписанного головного убора надевать наполеоновские шляпы, носить трости, зонтики, резиновые плащи, тем самым все больше приобретая вид грабителей и мародеров".* Можно ли верить немецкому "историку-неофашисту"? Можно и нужно, потому как далее Гофман цитирует сохранившиеся в военном архиве

Германии приказы. Например, приказ № 006 Военного Совета 2-го Белорусского фронта от 22 января 1945 г, в котором констатировалось, что *"наряду с ограблениями, мародерством, поджогами наблюдается массовое пьянство... машины загружены всевозможными предметами домашнего обихода, захваченным продовольствием и гражданской одеждой до такой степени, что стали обузой для войск, ограничивают свободу их передвижения и снижают ударную силу танковых соединений"*. Про кареты, цилиндры и зонтики упоминалось и в приказе командующего 1-го Украинского фронта маршала И.С.Конева от 27 января 1945 г., где отмечалось также, что в ходе проверки было выявлено танки, забитые награбленным барахлом до такой степени, что не оставалось места для экипажа.

Повальное мародерство стало делом настолько привычным и обыденным, что даже в официальном сообщении Главного трофейного управления Красной Армии в общем перечне "военных трофеев" были упомянуты 60 тыс. роялей и пианино, 460 тыс. радиоприемников, 190 тыс. ковров, 940 тыс. предметов мебели, 265 тыс. настенных и настольных часов. Что же касается часов наручных и карманных, "сбор" которых весной 45-го года приобрел в Красной Армии характер массового помешательства, то количество этих "трофеев" не поддается никакому исчислению...

Воинская дисциплина в известном смысле чрезвычайно схожа с беременностью: она или есть, или её нет. Промежуточное состояние не предусмотрено. И если в армии стало "можно" выбить дверь прикладом,

ворваться в дом, содрать с ушей перепуганных женщин золотые сережки, перевернуть все вверх дном в поисках злосчастных часов и выпивки, то уже очень тонкая грань отделяла такие действия от следующих шагов в деле "мщения за поруганную советскую землю". А приказы? Да, приказы были; тех, кто на свою беду попал "под горячую руку", могли сурово наказать. Один из таких случаев красочно описан в автобиографической повести М.М.Корякова (отрывок из которой был процитирован выше). Борьба за дисциплину выглядела так:

"...Солдат стоял перед полковником навтыяжку в сдвинутой на затылок черной дамской шляпке, украшенной цветами и фруктами. В карете, которую солдат увез со двора какого-то силезского помещика, лежала желтая свиная туша, а к фонарям были подвязаны задушенные куры.

— Курятины захотел? Свинины? Ты нашим советским пайком недоволен? — кричал полковник и ударял солдата по щеке рукой, затянутой в лайковую перчатку.

— Тебе приказ товарища Сталина от 19 января читали?

— Читали, товарищ полковник, — отвечал солдат, бледнея.

— Приказ командующего фронтом тоже читали?

— Читали, товарищ полковник.

— Так чего же ты, туды-т-твою мать! — рывкнул полковник и посмотрел пьяными, бычьими глазами по сторонам, ища, что бы такое сделать солдату. Взгляд его наткнулся на курицу, болтавшуюся на веревочке у

фонаря, и он сорвал одну, хватил за шейку и наотмашь ударил курицей по лицу солдата.

Полковник был пьян. В "виллисе" на сиденье, застланном ковром, лежала пузатая, оплетенная прутьями бутылка. Покачиваясь, широко расставляя ноги, он подошел к "виллису" и, влезая, погрозил солдату:

— Ты у меня будешь уважать приказы товарища Сталина! Я тебя научу!"

Правды ради надо отметить, что этому полковнику крупно повезло - он был пьян, а солдат трезв. С пьяными советскими солдатами в "поверженной Германии" лучше было не связываться. Тот же Коряков (боевой капитан, прошедший всю войну от Москвы до Силезии) пишет:

"На Вильгельмштрассе в Бунцлау я пережил ночь, самую страшную в моей жизни. Ни под бомбежками, - скажем, на Волыни, где в одну ночь снесен был полностью город Сарны, - ни на переднем крае под огнем немецких шестиствольных минометов, - нигде не испытал я такого страха, как тут, в этом мирном немецком квартале..."

Мы легли спать в десять вечера. Дверные замки были поломаны, к дверям приставили стол, ведра с каменным углем. Не прошло и полчаса, как дверь зашаталась, баррикада поехала... Танкисты... Шестеро. Не одни солдаты, но и офицеры. Пистолеты наружу, за поясами. Ни мало не обращая на меня внимания, протопали вверх по лестнице. Наверху, над потолком, раздались женские крики, плач детишек. В волнении стал я одеваться. Девушка и старики Вюнш умоляли меня не

ходить туда: убьют! Минувшей ночью убили офицера городской комендатуры, пытавшегося помешать насилию.

Всю ночь мы слушали в страхе крики несчастных женщин, плач детей и топот, топот тяжелых солдатских сапог над головой..."

Личные воспоминания М.Корякова вполне подтверждаются документами немецких военных архивов. Так, 10 февраля 1945 г. на сторону противника перешел капитан Б., командир батальона 510-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии. Свой поступок - достаточно неординарный для последних недель войны - он объяснил тем, что застрелил двух своих подчиненных, застигнутых в момент группового изнасилования немецкой девочки, и "не мог более смотреть, как красноармейцы обращаются с гражданским населением". Попавший в плен младший лейтенант из 287-й стрелковой дивизии на допросе показал, что несколько офицеров его части, попытавшихся воспрепятствовать насилию над гражданским населением, были застрелены распаленными красноармейцами. Напротив, капитан Е., командир батальона из состава 4-го гвардейского танкового корпуса 2 февраля 1945 г. застрелил своего подчиненного, который попытался было заступиться за изнасилованную капитаном Е. женщину. В поселке Гермау, занятом частями 91-й гвардейской стрелковой дивизии, советский военный комендант в целях спасения немецких женщин от насилия собрал их в помещении церкви и выставил вооруженную охрану, которой было приказано в случае необходимости стрелять по красноармейцам...

У "нарастающего одичания" Красной Армии была еще одна причина - радикальная смена состава и человеческого "качества" призывного контингента.

Велика Россия, но и она не могла до бесконечности кормить миллионами молодых мужчин прожорливое чудовище многолетней войны. Вез малого пять миллионов человек находилось в составе Вооруженных Сил СССР уже к моменту начала войны. По Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. было мобилизовано 10 млн. человек. Затем, по постановлению ГКО от 11 августа 1941 г. - еще 4 миллиона. Осенью 41-го призывали уже родившихся в 1890 г., т.е. пятидесятилетних мужчин. Еще 2 миллиона поступило в армию через т.н. "народное ополчение". Волны мобилизации 1941 г. поглотили без остатка весь накопленный в предвоенное десятилетие запас обученных, прошедших действительную военную службу резервистов. Но прожорливое чудовище требовало все новой и новой крови. С 1 января по 1 марта 1942 г. мобилизовано еще 700 тыс. человек... Разумеется, в тылу оставались многие миллионы мужчин, но армия 20-го века не могла воевать и побеждать палками и камнями. А для того, чтобы воевать танками, пушками и самолетами, для того, чтобы все эти горы военной техники обеспечить боеприпасами, горючим, запчастями, за спиной одного солдата должны были работать в тылу не менее пяти рабочих и хлеборобов.

Ко второй половине 1944 г., к тому моменту, когда наступающая Красная Армия подошла к границам

Германии и ее союзников, в ее рядах практически не осталось комсомольцев-добровольцев, осаждавших военкоматы в июне 41-го. Фраза "прошел всю войну от Вуга до Волги и от Волги до Эльбы" - если только она не является дежурным газетным штампом - может быть применима лишь к людям совершенно уникальной судьбы, "родившимся в сорочке"... Пять месяцев в пехоте. Одиннадцать месяцев в танковых войсках. Статистика беспощадно свидетельствует, что после этого очередная единица "личного состава" переходила в разряд безвозвратных (убитые, пропавшие без вести) или санитарных (раненые, больные, обмороженные) потерь. Причем это статистика 43-45 г.г., в которой не отражены катастрофические потери первого года войны!

И тем не менее, к концу 1944 г. только в Действующей армии (т.е. без учета тыловых, учебных, транспортных, санитарных частей и учреждений Вооруженных Сил) числилось 6,7 млн. человек. Откуда же их набрали?

Подросли и достигли призывного возраста мальчишки военных лет - голодные, худые, выросшие в условиях фактической беспризорности (отец на фронте, мать - с рассвета до заката на заводе), воспитанные изрядно криминализованной по военному лихолетью улицей. На протяжении всей войны "спецрезервом" призывных контингентов оставался ГУЛАГ, причем на фронт, в Действующую армию отправляли главным образом "блатарей", уголовников (58-я статья представлялась недостаточно благонадежной). Но и из этих "сусеков" последние крохи были выметены еще

раньше. Главным же источником призывных контингентов в последний год войны стала освобожденная от немецкой оккупации территория западных областей СССР.

Там было кого призывать: 1,5 млн. человек 1905-1918 г.р., не попавших под 1-ю военную мобилизацию (уклонились от призыва или сам военкомат исчез раньше, чем успел разослать повестки); 3,6 млн. мужчин 1890-1904 г.р., оставленных и/или оставшихся на оккупированной территории к моменту объявления 2-й волны мобилизации (август 41-го). Не известное точно число подростков, достигших к 1944 г. призывного возраста. И еще по меньшей мере 1 - 1,5 млн. "окруженцев", дезертиров, "отставших от своей части" и.т.п. Теоретически все эти люди должны были существовать и после прихода Красной Армии прибыть к вновь организованному военкомату.

Практически все было гораздо сложнее - очень непросто было мужчине призывного возраста пережить три года оккупации. Слишком много вопросов вызывал он у немецких властей: если бывший военнослужащий Красной Армии - то почему не в лагере для пленных? если партизанский разведчик - то почему еще не арестован? Уклонился от призыва - или оставлен органами НКВД для организации диверсионной работы? Лояльность по отношению к "новому порядку" приходилось доказывать. Каждый доказывал по-своему. 511 тыс. советских людей работало на железных дорогах - тех самых, которые периодически взрывали советские партизаны. Сотни тысяч пошли на службу в

организованные оккупантами полицейские батальоны, казачьи полки, отряды "местной самообороны", всевозможные "национальные" вооруженные формирования. Так, только в составе печально-знаменитой "Русской освободительной народной армии" (позднее "освободительная армия" была преобразована в 29-ю дивизию СС) Б.Каминского против партизан на Брянщине воевало более 10 тыс. человек.

И если тех, кто с оружием в руках воевал на стороне гитлеровцев, было все же относительно немного, то гораздо большее число бывших советских граждан сумело "подсуетиться по мелочи": кто-то без лишнего шума донес на соседа, кто-то помог немцам найти спрятавшуюся в подвале еврейскую семью. Кто-то и вовсе никого не предавал и не доносил, напротив - с риском для здоровья и жизни грабил опустевшие квартиры, вступая при этом в ожесточенную схватку с другими мародерами...

Жизнь под немецкой оккупацией (если это можно было назвать жизнью) быстро заставила забыть "Катюшу", "Три танкиста", "Если завтра война" и прочие замечательные советские песни. Новые понятия были гораздо проще: "человек человеку - волк", "умри ты сегодня, а я - завтра". И диалектику теперь советские люди "учили не по Гегелю" - начиная с середины 1943 г. начался массовый переход "полицаев" на сторону партизан. Настолько массовый, что 7-тысячная "русская национальная бригада СС" под командованием Гиля-Родионова превратилась в "1-ю антифашистскую

партизанскую бригаду", и к лету 1944 г. четвертую часть всех партизан Белоруссии составляли бывшие "полицаи" и "добровольцы" вермахта.

Большим упрощением реальной картины событий будет и представление о том, что остальные три четверти только тем и занимались, что пускали под откос немецкие поезда. Некоторое (не будем сейчас спорить о количественных оценках) количество "партизанских отрядов" всю войну занималось главным образом "самоснабжением", т.е. заурядным грабежом местных жителей. Некоторые активисты даже наладили регулярный сбор зерна с окрестных деревень, перегоняли его на самогон в промышленных масштабах и вооруженной рукой контролировали "рынки сбыта"...

Всю эту разношерстную публику "органы" после более-менее поверхностной проверки передавали в распоряжение военкоматов. Бывшие "полицаи", бывшие дезертиры, бывшие "партизаны" и просто бандиты, одинаково постриженные наголо, одевали красноармейскую форму и шли на фронт. Мне не известны точные цифры. Я не могу с уверенностью сказать - были ли среди советских солдат, бесчинствовавших в Неммерсдорфе и Штригау (равно, как и в сотнях других городов и поселков Германии), "перековавшиеся" каратели из 118-го полицейского батальона, спалившего Хатынь вместе с жителями. Но номер батальона в данном случае не столь важен.

Может быть, бывшие каратели, доносчики, мародеры, уголовники составляли 5% от общего призывного контингента 44-го года. Может быть, 55%.

Историки должны, в конце концов, выяснить и эти подробности, но для целей данной статьи они не имеют принципиального значения. В любом случае, в состав Красной Армии влились десятки (если не сотни) тысяч морально деградировавших, потерявших всякие нравственные ориентиры, привычных к садистскому насилию людей.

В определенных условиях этого было уже достаточно для того, чтобы совершить те кровавые бесчинства, о которых шла речь выше. Важны не проценты (социальная психология давно уже пришла к выводу о том, что нормы поведения людской массы определяет меньшинство в 5-10%), а как раз "определенные условия". В одной ситуации подонки старались бы вести себя "тише воды, ниже травы", в другой - они начинали активно навязывать свои криминальные "понятия" большинству. И вот тут мы подходим, наконец, к главному - к тому, кто ставил задачи и устанавливал условия. К тому главному, без упоминания о ком невозможно никакое серьезное обсуждение истории войны. К товарищу Сталину.

Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Сталин несет личную ответственность за военные преступления, совершенные на земле Германии, уже в силу того очевидного и бесспорного правила, по которому командир несет ответственность за действия своих подчиненных. Надеюсь, с этим утверждением немедленно согласятся все те, кто любит повторять: "Сталин выиграл войну". Ну, если он ее один выиграл, то

и судить за не имеющие срока давности военные преступления надо его одного...

Есть, однако же, и более серьезные причины предполагать, что массовое зверское насилие над гражданским населением Германии было с преступным умыслом организовано Сталиным и его подручными. То, что на первый поверхностный взгляд кажется взрывом "слепой стихии мщения", могло быть заранее спланированной и проведенной в жизнь с циничным и корыстным расчетом операцией. Дабы не тратить более слова, перейдем сразу же к стенограмме переговоров "Большой тройки" в Потсдаме.

Пятое заседание, суббота 21 июля 1945 года:

Сталин: *«Американское и британское правительства предлагали нам несколько раз не допускать польскую администрацию в западных областях, пока окончательно не решен вопрос о западной границе Польши. Мы не смогли следовать этим предложениям, так как немецкое население последовало на запад вместе с отступавшими немецкими войсками...»*

Трумэн: *"Определение будущих границ - задача мир-ной конференции".*

Сталин: *"Очень тяжело восстановить немецкую администрацию на этой территории, все [немцы] разбежались".*

Трумэн: *"Я полагаю, что мы в свое время сможем достичь соглашения о будущих границах Польши, но*

сейчас меня интересует вопрос об этих областях на время оккупации".

Сталин: "Эти области на бумаге относятся к территории немецкого государства, на самом деле это - польские территории, так как немецкого населения на них больше нет".

Трумэн: "Девять миллионов немцев - это очень много".

Сталин: "Они все бежали".

Черчилль: "...Еще одно замечание по заявлению генералиссимуса Сталина о том, что все немцы покинули эти области. Имеются другие данные, которые говорят о том, что там все еще остаются от двух до двух с половиной миллионов человек. Эту ситуацию необходимо изучить".

Сталин: "Война привела к тому, что из этих восьми миллионов немцев там не осталось почти никого... Когда мы пришли в ту зону, которая рассматривалась в качестве приращения к польской территории, там из немцев не осталось никого. Таков был ход вещей..."

Черчилль: "Немедленное переселение восьми миллионов человек - это дело, которое я поддержать не могу. Широкомасштабное переселение будет шоком для моей страны... Если немецкое население не обеспечить достаточным количеством продовольствия, то в нашей собственной зоне оккупации воцарятся условия, сходные с немецкими концентрационными лагерями, только в еще больших размерах".

Сталин: "Но вы можете покупать зерно из Польши".

Черчилль: *"Мы не считаем, что эта область является польской территорией".*

Сталин: *"Там живут поляки, они засеяли поля. Мы не можем требовать от поляков, засеявших поля, отдать урожай немцам".*

Трумэн: *"Создается впечатление свершившегося факта, что крупная часть Германии отдана полякам... Я считаю, что поляки не имеют права присвоить себе эту часть Германии и вырвать ее из немецкой экономики..."*

На следующий день, 22 июля 1945 г. обманутые западные союзники попытались было перейти в дипломатическое "наступление". Но Сталин твердо стоял на своем:

Черчилль: *"Первое. Мы договорились, что граница будет установлена только при мирном урегулировании. Второе. Польша не получит преимущества от принятия такой большой немецкой территории. Третье. Экономическая структура Германии будет разорвана, а на оккупационные власти ляжет очень большая перегрузка. Четвертое. Вместе с переселением больших масс населения придется взять на себя очень большую моральную ответственность. Я должен сказать, что считаю неправильным переселение от восьми с половиной до девяти миллионов человек. Пятое. Нет точных числовых показателей по этому пункту. По нашей информации, на этой территории находятся от восьми до девяти миллионов человек. Советская же делегация утверждает, что их там уже нет. Этот вопрос необходимо прояснить..."*

Сталин: *"На этой территории нет ни восьми, ни шести, ни даже трех мил-лионов немцев. Там проводилась массовая мобилизация, и погибло много людей. Там оставалось очень мало нем-цев, да и те, что оставались, бежали от Красной Армии..."*

Так о чем же спорили высокие договаривающиеся стороны?

Если и было что-то, в чем товарища Сталина никак нельзя заподозрить, то это любовь к Польше и полякам. Скорее наоборот, именно к "панской Польше" (по другому эту страну в советских газетах не называли) и всему, что с ней связано, Сталин испытывал особую, почти не скрываемую, ненависть. И в секретных Постановления ЦК, и в газетной пропаганде пресловутые "польские агенты" неизменно присутствовали в качестве первоисточника всякого зла. Именно польских коммунистов в 37-78 г.г. ждала особая участь: Сталин не ограничился расстрелом всего находящегося в Москве руководства ПКП, но довел дело до официального роспуска "вредительской" польской компартии (что стало событием совершенно незаурядным даже для Коминтерна конца 30-х годов). Летом 1937 г. началась печально-знаменитая "польская операция" (приказ наркома НКВД Ежова № 00485), в ходе которой было арестовано 143.810 человек, из них 111.091 приговорено к расстрелу. Сто одиннадцать тысяч. Каждый шестой проживавший в СССР поляк. Рекордный показатель даже для эпохи Большого Террора.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. за бокалом шампанского товарищ Сталин договорился с Риббентропом о ликвидации Польши и разделе ее территории, а 31 октября 1939 г. устами своего верного приспешника В.Молотова назвал славянское государство с многовековой историей "уродливым детищем Версальского договора". Не скрывал торжества и нарком обороны Ворошилов, который в своем праздничном приказе от 7 ноября 1939 г. заявил: *"Польское государство при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая и сгнившая телега"*. После этого на само употребление термина "Польша" был наложен категорический запрет, и даже в совершенно секретных, для публики отнюдь не предназначенных документах высшего командования РККА соответствующая территория называлась "бывшей Польшей" или (совсем уже на гитлеровский манер) "генерал-губернаторством".

Все изменилось после того, как летом 41-го кадровая Красная Армия *"при первом же серьезном военном столкновении разлетелась, как старая и сгнившая телега"*, а товарищ Сталин - к крайнему своему изумлению - оказался в рядах "антигитлеровской коалиции демократических стран". Правила поведения "клуба демократических стран" требовали соблюдения некоторых минимальных норм приличия, и Сталину пришлось хотя бы на словах отказаться от "добычи", которую он так ловко приобрел в союзе с Гитлером. 30 июля 1941 г. с "лондонским" польским правительством Сикорского было подписано Соглашение, первый пункт которого гласил: *"Правительство СССР признает"*

советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу".

Длинная и запутанная история того, как Сталин шаг за шагом избавлялся от последствий "минутной слабости", в силу которой он согласился признать "буржуазное эмигрантское правительство" законным, а свои территориальные приобретения в Польше - незаконными, далеко выходит за рамки данной статьи. Перейдем сразу к результату: в начале 1945 г. про "лондонское правительство" Польши Сталин уже не желал и слышать; польская партизанская Армия Крайова была разгромлена, по сути дела, совместными усилиями вермахта и СС, Красной Армии и войск НКВД; в обозе наступающих советских войск в Люблин было привезено марионеточное "польское" правительство (Польский комитет национального освобождения). Была даже создана псевдо-польская армия ("Войско Польское"), в которую в "добровольно-приказном" порядке зачисляли не только советских офицеров, но даже рядовых (в частности, танковые экипажи в полном составе). Органы госбезопасности "народной Польши" были снизу до верха укомплектованы советскими "советниками" и фактически представляли собой одно из территориальных управлений НКВД. Назначение в дальнейшем министром обороны марионеточной Польши маршала Советского Союза Рокоссовского было в данном контексте вполне символично и показательно.

В такой конкретно-исторической ситуации Сталин с полным основанием смотрел на западную границу "своей" Польши как передовой рубеж развертывания

вооруженных сил СССР. И только по этой причине он стремился перенести этот рубеж как можно дальше на запад, как можно ближе к Берлину и Дрездену - в послевоенной судьбе Германии было еще очень и очень много неясного, польский же вопрос Сталин к тому времени уже успешно (в интересах своей экспансии в Европу) и окончательно решил. Что же касается судьбы Восточной Пруссии, то здесь Сталин не видел даже вопроса для обсуждения, и в Потсдаме он коротко сообщил "союзникам" о том, что забирает себе северную (прибалтийскую) часть Восточной Пруссии с городами Кёнигсберг и Тильзит (ныне Калининград и Советск).

В целом подлежащие аннексии земли (Восточная Пруссия, Померания, Силезия) общей площадью в 114 тыс. кв. км (что равно Бельгии, Голландии и Дании вместе взятым) составляли четверть территории Германии в границах 1937 г. Однако, заявляя о своих претензиях на эти территории (прямо - как в случае с северной частью Восточной Пруссии, или косвенно - через включение их в состав марионеточного польского государства), Сталин получал и большую проблему - многомиллионное немецкое население. Ненавистные Сталину "союзники" могли апеллировать к каким-то непонятым "правам" этих немцев, напоминать о "ленинском принципе права наций на самоопределение", и в конечном итоге - изменить свое благожелательное отношение к притязаниям кремлевского вымогателя. Был только один способ радикального решения этого вопроса, и Сталин его отлично знал: "Нет человека - нет проблемы".

Был у товарища Сталина к тому времени и богатый опыт в подобных делах; не раз и не два перемещал он уже "неправильные народы" на правильные места - но с немцами случай был особый. Их было слишком много. Количество диалектически переходило в качество. Одно дело - в спокойной мирной обстановке выселить из т.н. "западной Белоруссии и Украины" 400 тыс. поляков в течение полутора лет, и совсем другое - переместить с места на место 8-9 млн. немцев, да еще и во время войны, когда каждый грузовик, каждый литр бензина, каждый вагон и паровоз на счету! Да и куда мог Сталин депортировать немцев Силезии, Померании и Пруссии? Возможных направлений было ровно два: или назад, на восток, вглубь советской территории, или вперед, на запад, т.е. в советскую зону оккупации Германии. И в том, и в другом случае кормить 8 млн. иждивенцев (а на шестом году мировой войны население немецкого тыла состояло уже по большей части из женщин, детей, инвалидов и стариков) пришлось бы Советскому Союзу.

Гипотеза, которую я не могу подкрепить никакими прямыми документальными доказательствами, заключается в том, что **Сталин принял решение изгнать немцев**. Изгнать быстро (быстрее, чем западные "союзники" успеют понять происходящее и как-то отреагировать), и при этом процесс изгнания поставить на твердую основу самофинансирования. Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами, своими силами, на своих машинах, телегах, велосипедах, рыбацких лодках плыли, ехали, шли, бежали, ползли на запад. На запад без остановки, до тех

пор, пока не доберутся до английской или американской оккупационной зоны.

Это было трижды "мудрое" решение: депортация не потребовала от Советского Союза ни одного рубля затрат, в ходе создания предписанной "обстановки" сталинская номенклатура смогла изрядно набить свои карманы и дачи награбленным добром, а ненавистные "союзники" получили (по имеющимся, далеко не точным подсчетам) 7 млн. голодных, больных, лишенных жилья и имущества беженцев.

Еще раз повторяю - никаких документов с собственноручной подписью Сталина я не видел. Скорее всего - их никогда и не было. Мудрый Сталин, в отличие от своего берлинского конкурента, старался не оставлять улики. Может быть, именно поэтому власть Гитлера продержалась всего 12 лет, а Сталина и через полвека после его физической смерти любит по меньшей мере половина народонаселения России...

Письменного приказа убивать немецких женщин и детей товарищ Сталин, конечно же, не отдавал. Да в этом и не было нужды. Через два десятилетия после прихода Сталина к власти, через семь лет после Большого Террора окружение Сталина состояло из тех, кто понимал волю Хозяина по-собачьи, без слов. Не умеющие понимать быстро менялись на других, более понятливых. И тем не менее, отсутствие четкой, зафиксированной в письменном приказе команды объясняет многое из того, что мы достоверно знаем о

трагических событиях на немецкой земле. Прежде всего - фиксируемую и документами, и народной памятью крайнюю "неоднородность" ситуации. В одном немецком городке могли совершаться не постижимые уму зверства, в соседнем - поддерживался относительный порядок. Обратимся еще раз к книге И.Гофмана:

"...Подчас советским офицерам удавалось успешно противостоять преступникам в униформе - возможно, потому, что у них были аналогично мыслившие начальники. Так, даже в 91-й Гвардейской стрелковой дивизии поведение не было единым. В то время, как дивизионный штаб и 275-й стрелковый полк совершали в Гермау и окрестностях ужасные зверства, из таких населенных пунктов, как Вилькау, которые были захвачены другими частями дивизии, не сообщалось об убийствах и изнасилованиях...

В то время, как, например, 3-й батальон 14-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии совершал тяжкие преступления, красноармейцев 3-го батальона 187-го стрелкового полка этой же дивизии предостерегали против вольностей в отношении населения...

Генерал-майор Гелен, в ведомство которого стекались все соответствующие сообщения, в отдельных случаях также регистрировал "корректное поведение" советских офицеров и солдат..."

В скобках отметим, что высокая степень неоднородности рвения исполнителей была для мафиозной сталинской системы скорее нормой, нежели исключением. Достаточно вспомнить, например, "кулацкую операцию", ставшую одной из главных

составляющих Большого Террора 37-38 г.г. В этом случае была четкая письменная директива (приказ наркома НКВД Ежова №00447 от 1 августа 1937 г.), были указаны категории населения, подлежащие "изъятию"; были, наконец, установлены твердые количественные "лимиты" с разбивкой на две категории (первая - расстрел, вторая - арест и лагерь). И что же в результате? В целом по стране "лимиты" на отстрел людей были превышены в 3,5 раза, но при этом в одних регионах (10 краев и областей, судя по монографии Л.Наумова) "тройки" ограничились простым выполнением планового задания, в других - перевыполнили его в несколько раз; лидеры же (Карелия, Дальний Восток, Красноярский край, Омская обл.) превысили первоначальные "лимиты по 1-й категории" в 14-15 раз!

Весной 45-го года, в отсутствии четкого письменного приказа (замененного, как я предполагаю, устными указаниями), неоднородность ситуации должна была быть еще большей. Чем дальше от Кремля и чем ближе к передовой, тем большим становилось число командиров среднего звена, которые не поняли (а может быть - и не захотели понять) "державную волю". Далекое не все тогда потеряли облик человеческий, да и запугать фронтового командира было труднее, нежели московского чиновника. Наконец, любой командир полка или батальона отчетливо понимал, что с него прежде всего спросят за выполнение боевой задачи, а выполнять её с танками, забитыми "под завязку" трофейным барахлом, и пьяными бойцами, переодевшимися в наполеоновские шляпы и дамские плащи становилось затруднительно. В силу всех этих причин многие

командиры Красной Армии на всех уровнях активно противодействовали "одичанию войск".

С другой стороны, для выполнения указаний товарища Сталина об изгнании немцев с подлежащих аннексии территорий и не требовался повсеместный (в каждом месте без исключения) террор. Для того, чтобы население бросилось в панике бежать, бросая дома и имущество, достаточно было некоторого ограниченного числа зверских расправ. Другими словами, количество бесчинств можно было с полным успехом для поставленной задачи заменить "качеством", т.е. запредельной степенью жестокости.

И тут мы подходим к "гипотезе № 2". Она еще менее доказуема документально (в условиях сохраняющейся по сей день закрытости архивов НКВД/НКГБ), но при этом вполне правдоподобна. Гипотеза № 2 заключается в том, что **для расправ с мирным населением были созданы специальные террористические группы** ("спецбоевки" НКВД), и сообщения о прибитых за языки к столу детях, распятых в церквях женщинах и прочих невыразимых гнусностях относятся именно к последствиям их действий.

Сразу же подчеркну, что гипотеза № 2 **не исключает, а лишь дополняет** высказанное выше предположение о преднамеренной и санкционированной с самого "верха" деморализации Красной Армии (также, как отнюдь не гипотетическое, а вполне реальное и активное участие органов ОГПУ в раскулачивании не

исключало, не заменяло, а лишь дополняло и усиливало бесчинства толпы деревенских люмпенов).

Эта гипотеза может показаться совершенно невероятной - но лишь в рамках представлений старого советского (или наоборот - наиновейшего российского) школьного учебника. В контексте реальной истории СССР предложенная гипотеза вполне заурядна. Ложь, провокация и террор шли рука об руку с первых дней большевистской диктатуры: с покушения на Ленина, в котором была обвинена полуслепая (и немедленно расстрелянная) Ф.Каплан; с директив самого Ленина, призывавшего воспользоваться "удачным моментом", когда трупы умерших от голода лежат на дорогах, и перевешать под этим предлогом как можно больше "контрреволюционных попов"; с операции "Трест", в рамках которой ГПУ организовало подложную антисоветскую организацию в качестве "отравленной приманки"...

Существование "спецбоевок" НКВД, которые под видом партизан УПА терроризировали население западной Украины, уже давно перестало быть гипотезой. Сохранились, найдены и опубликованы документы, свидетельствующие и о масштабе провокационной деятельности (уже к июню 1945 г. было создано 156 спецгрупп общей численностью 1783 чел.), и о методах их работы, которые превысили даже меру терпения военного прокурора войск МВД Украинского округа полковника Кошарского. 15 февраля 1949 г. он направил на имя Первого Секретаря ЦК КП Украины Н.Хрущева

докладную записку "о фактах грубого нарушения советской законности в деятельности так называемых спецгрупп МГБ".

В ней сообщалось о том, что "грубо провокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилие над местным населением не только не облегчают борьбу, но, наоборот, усложняют ее... Не располагая достаточными материалами, т.н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвой их произвола часто являются лица, непричастные к украинскому бандитскому националистическому подполью..."

Далее прокурор Кошарский приводит длинный, многостраничный перечень фактов "произвола и насилия" ("...в марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ "Крылатым", дважды посещала дом Паламарчук Г.С., 62 лет, и, выдавая себя за бандитов УПА, жестоко истязала его и двух его дочерей... В ночь на 23 июля 1948 г. спецгруппой из с. Подвысоцкое была уведена в лес гр-ка Репницкая Н.Я., рожд. 1931 г. В лесу она была подвергнута пыткам. Участники спецгруппы тяжело ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнасиловали...") и завершает его следующей констатацией: "Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны".

Нет, не надо думать, что военный прокурор войск МВД забыл о том, что такое "советская законность" - в

конце своей докладной он без тени сомнения пишет: *"В борьбе с украинско-националистическим бандитским подпольем хороши все средства"*. Недовольство полковника Кошарского было вызвано тем, что *"выступая в роли бандитов УПА, участники спецбоевок МГБ занимаются антисоветской пропагандой и агитацией, идут по линии искусственного провокационного создания антисоветского националистического подполья."*

Кто может поручиться, что обработанные таким провокационным путем лица не уйдут из-под контроля органов МГБ и не совершат террористический акт".

По сути дела, возник конфликт ведомственных интересов: "чекисты" были заинтересованы в бесконечном продолжении вооруженной борьбу с безоружными селянами (именно за эти "подвиги" они и получали ордена, звания и немалые деньги на "оперативные расходы"), в то время как прокуратуре и партийному руководству надо было поскорее отчитаться перед Москвой о полной и окончательной ликвидации антисоветского подполья на Украине. Именно благодаря этому конфликту "сор был вынесен из избы", докладная записка прокурора Кошарского появилась на свет и, что самое главное для историка, сохранилась в партийных архивах до наших дней.

Возвращаясь к событиям весны 45-го года, из карпатских лесов к руинам немецких городов, стоит отметить, что здесь перед "органами" стояла несравненно более легкая задача. Если от "спецбоевок", действующие под видом бандеровцев, теоретически требовалось проведение сложной агентурно-оперативной

"игры", если их приходилось специально обучать, готовить, укомплектовывать людьми, знающими западно-украинскую речь, местные порядки и обычаи, то в Германии все было гораздо проще. Требовалось всего лишь "шугануть фрицев". Для этого в многомиллионной армии надо было найти несколько тысяч человек, замаранных прошлым сотрудничеством с гитлеровскими оккупантами, пригрозить им разоблачением и расстрелом, а затем предложить "искупить вину кровью". Причем не своей, а кровью мирных жителей Германии. На четвертом году войны подонков с соответствующей биографией было немало, и "опыт" зверских расправ с женщинами и детьми они накопили богатый.

Грешно о таком говорить, но нельзя же отрицать и тот факт, что "порог чувствительности" у немцев был совсем другой. Не наш. Не было у них настоящей "большевистской закалки". Германия в 20-м веке не пережила ни многолетней гражданской войны, сопровождавшейся бесконечной чередой погромов и расстрелов, ни раскулачивания, ни голодомора; и 37-й год в памяти немецкого обывателя остался годом экономического процветания, а не "черных воронов" и еженощного исчезновения соседей, друзей и знакомых. Этот обыватель не был готов к приходу настоящего массового террора, и потому расчет Сталина вполне оправдался: после первой же встречи с головорезами в форме солдат Красной Армии гражданское население восточных областей Германии обратилось в паническое бегство.

Заслуживает серьезного изучения вопрос о географических и временных рамках санкционированного сверху террора против гражданского населения Германии. Есть основания предположить (еще раз повторю, что в настоящий момент у меня есть лишь вопрос, но нет исчерпывающего ответа на него), что с выходом наступающей Красной Армии с аннексируемых территорий Силезии и Померании на территорию будущей ГДР бесчинства резко пошли на убыль. По крайней мере, в книге Й.Гофмана все эпизоды массовых убийств происходят в Пруссии, Померании и Силезии, т.е. на территориях, подлежащих аннексии. В Берлине (на глазах офицеров западных союзников и иностранных корреспондентов) "жажда мщения" ограничилась всего лишь мародерством и изнасилованиями.

Стоит отметить и тот факт, что 14 апреля 1945 г, т.е. за два дня до начала Берлинской операции (наступления Красной Армии от берегов Одера на Берлин) в газете "Правда" появилась знаменитая статья "Товарищ Эренбург упрощает", опубликованная за подписью начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Александрова. Стиль и язык статьи (с характерными сталинскими повторами, вопросами-ответами) позволяет с большой долей вероятности предположить, что товарищ Сталин как минимум продиктовал Александрову основные тезисы статьи (если только не написал ее сам).

И если об авторстве директивной (а только так и могла восприниматься в сталинском СССР статья, опубликованная в центральном печатном органе ЦК

партии) еще можно спорить, то под Директивой Ставки ВГК № 11072 от 20 апреля 1941 г. стоит вполне отчетливая подпись Сталина. Директива Ставки была адресована *"командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов"*, но не командованию 3-го и 2-го Белорусских фронтов, ведущих боевые действия в Восточной Пруссии и Померании!

Постановляющая часть Директивы № 11072 гласит:

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

*1. Потребуйте **изменить отношение** (подчеркнуто мной - М.С.) к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.*

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев.

Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Антонов"

Примечательно, что эта Директива была рассекречена и опубликована (сборник документов "Русский архив. Великая Отечественная. Битва за Берлин", т. 15, М., "Терра", 1995 г.) без констатирующей (т.е. описывающей реально сложившуюся ситуацию) части. Указанная в п.2 линия точно соответствует границе советской зоны оккупации Германии, т.е. будущей ГДР. Можно предположить, что оккупированная "социалистическая Германия" без населения Сталину была не нужна, и он приказал *"изменить отношение к немцам"*, т.е. прекратить насильственное изгнание.

И лишь в одном-единственном аспекте блестящий комплексный план товарища Сталина оказался не выполнен:

"Намерения Сталина заключались в том, чтобы одобренным им беспощадным изгнанием немцев с восточных территорий довести немцев в западных

оккупационных зонах нищетою до отчаяния, дискредитировать западные державы так, чтобы в конце концов повернуть людей к большевизму... Дети народа росли в нищете и смотрели в будущее, в котором они не смогут вырваться из нее.

Революционная ситуация была налицо. Но революции не случилось. Политический расчет Востока учел почти все факторы, кроме одного - людей. Миллионы немцев бежали от Красной Армии. Миллионы стали свидетелями того, что творилось во время прихода советских войск. Миллионы испытали на себе коммунистическое господство и пострадали от него. Униженные и оскорбленные, они были потеряны для коммунизма, под какой бы маской и с какими бы аргументами он ни выступал..."

Этими словами немецкого историка и журналиста Гюнтера Беддекера я не могу закончить свою статью, потому как российский историк не имеет права не сказать о самых многочисленных жертвах этого забытого преступления Сталина. О солдатах Красной Армии

В конце 1944 г. Германия, ее промышленность, транспортная система, вооруженные силы находились в состоянии предсмертной агонии. Гитлеровский "тысячелетний рейх" потерял всех союзников, потерял все внешние источники сырья (в

частности, румынскую нефть, шведскую железную руду, финский и украинский никель). Англо-американская авиации, захватившая полное господство в воздухе над любой точкой Германии, методично уничтожала город за городом, завод за заводом. В одном налете на один объект сбрасывалось по несколько килотонн бомб. Безопасного тыла у немецкой армии уже не было.

После того, как с мая 1944 г. главным объектом воздушных ударов стали транспортная система и предприятия химической промышленности (производство синтетического бензина, азота, взрывчатых веществ), военное производство Германии рухнуло. Заводы, спрятанные под землю и рассредоточенные по остаткам территории, могли еще производить танки и самолеты, но вся эта техника превращалась в груды бесполезного металлолома, даже не успев сойти с конвейера - их топливные баки были пусты.

Но даже потеря запасов горючего, территории, транспортных магистралей, опытных летчиков и танкистов не шла ни в какое сравнение с потерей главного - смысла и цели. Что, кроме умножения числа жертв, могло принести Германии продолжение боевых действий?

В сентябре 1944 г. Красная Армия вышла к рубежу р. Висла, а армии западных союзников стремительно продвигались к Рейну. Исход войны не вызывал уже ни малейших сомнений. До Тегеранской конференции гитлеровское руководство еще могло надеяться на

"политическое решение", т.е. на раскол в лагере противников Германии и сепаратный мир с одним из них; до июля 1944 г. можно было надеяться на то, что высадившиеся в Нормандии англо-американские войска удастся окружить и уничтожить. Взрыв бомбы, прозвучавший 20 июля 1944 г. в Ставке Гитлера, сообщил всему миру о том, что высший командный состав вермахта расстался с последними иллюзиями. Причем это касалось не только генералов-заговорщиков. Начальник штаба верховного командования Вооруженных сил Германии генерал-полковник А.Йодль на допросе от 17 июля 1945 г. дал следующие показания:

"Примерно в феврале 1944 г. я доложил фюреру, что если англичане и американцы высадутся во Франции, и нам не удастся сбросить их в море, мы войну проиграем. Я сделал это заявление в письменном виде... Гитлер признал мою точку зрения правильной, но запретил рассылать этот меморандум командующим ВВС, армии и флота".

Предпринятые на рубеже 44-45 г.г. две последние, отчаянные попытки вермахта перейти в контрнаступление (в Арденнах - против западных союзников, в районе венгерского озера Балатон - против Красной Армии) закончились сокрушительным поражением, потерей последних боеспособных танковых и авиационных частей. Крах немецкой военной машины стал совершенно очевидным.

И вдруг, на Восточном фронте, происходят разительные перемены. Немецкие войска словно обрели "второе дыхание" - что незамедлительно отразилось и на темпе продвижения, и на уровне потерь Красной Армии.

Обратимся к вполне официальному и солидному источнику - статистическому сборнику "Гриф секретности снят", выпущенному в свет в 1993 г. под редакцией генерал-полковника Г.Ф.Кривошеева. На стр. 157-159 приведены цифры безвозвратных среднесуточных потерь Красной Армии по периодам и кампаниям войны. Цифры эти ужасны - каждый день войны уносил тысячи жизней советских солдат. Отвлечемся, однако, от вполне понятных эмоций и обратим, наконец, внимание на динамику этих цифр:

1. летне-осенняя кампания 1943 г. (1.7 - 31.12.43 г., Курская дуга, освобождение левобережной Украины, Киева и Смоленска); безвозвратные потери - **7,6 тыс.** человек в день

2. зимне-весенняя кампания 1944 г. (1.1 - 31.5.44 г., освобождение правобережной Украины и Крыма, Ленинградской и Новгородской областей); безвозвратные потери - **5,3 тыс.** человек в день

3. летне-осенняя кампания 1944 г. (1.6 - 31.12.44 г., крупнейшие наступательные операции Красной Армии: Белорусская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская, Прибалтийская, Белградская); безвозвратные потери - **4,5 тыс.** человек в день

Растет мастерство бойцов и командиров Красной Армии, непрерывно увеличивается её численное и огневое превосходство над противником, тают материальные и моральные ресурсы вермахта. Как результат - все более масштабное наступление советских

войск на всех фронтах при неуклонно снижающемся уровне среднесуточных потерь.

Наступает 1945 год. Численное превосходство Красной Армии в танках и авиации выражается уже двузначными цифрами, германское командование бросает на фронт необученных мальчишек из "фольксштурма" - и при этом уровень людских потерь Красной Армии не только не сокращается, **но заметно растёт! 6,2 тыс.** человек. Таков уровень среднесуточных потерь 45-го года. Добивая агонизирующий вермахт, Красная Армия несет потери на треть большие, чем в 1944 году.

Теперь посмотрим на цифры потерь неодушевленной техники (стр.355-356). В 1943 г. Красная Армия теряет в среднем 64 танка и САУ в день, в 1944 г. - 65 в день. Как видим, на протяжении двух лет войны среднесуточные потери танков и самоходок остаются почти постоянными. Наступает 1945 год. С 1 января по 10 мая 1945 г. потеряно 13.700 танков и САУ. 105 (сто пять) в день. Среднесуточные потери выросли почти **в два раза.**

Что же случилось с советской бронетехникой? Она стала хуже, чем в 43-44 годах? Да ничего подобного, именно к 1945 г. в основном завершилось перевооружение на новую, гораздо более мощную модификации "тридцатьчетверки" (Т-34/85); в большом количестве стали поступать в войска новейшие тяжелые танки серии ИС и тяжелые самоходки, вооруженные

чудовищными 122-мм и 152-мм пушками (не путать с короткоствольной 152-мм гаубицей на предвоенном КВ-2), способными пробить лобовую броню любого немецкого танка, до "Королевского тигра" включительно. Статистика свидетельствует, что если по состоянию на 1 января 1944 г. в Красной Армии числилось 1,6 тыс. тяжелых танков и 0,8 тыс. тяжелых САУ, то к 9 мая 1945 г. их уже было, соответственно, 5,3 тыс. и 2,7 тыс. единиц.

С другой стороны, никакого противотанкового "чудо-оружия" у немцев в 1945 г. не появилось. Слухи о перевороте в технике вооружений, совершенном "фаустпатроном", сильно преувеличены. Обращаясь к составленной по горячим следам войны работе полковника П.Игумнова ("Исследование поражаемости отечественных танков", 1947 г.), мы обнаруживаем следующие цифры распределения потерь танков в последние месяцы войны:

- 1-й Белорусский фронт, январь-март 1945 г.; от фаустпатронов - 5,5%

- 1-й Украинский фронт, январь-март 1945 г.; от фаустпатронов - 8,9%

- 4-й Украинский фронт, январь-май 1945 г.; от фаустпатронов - 9%

- 1-й Белорусский фронт, апрель-май 1945 г.; от фаустпатронов - 10,5%

Как видим, основным средством поражения танков была и осталась ствольная артиллерия, на долю которой приходится более 90% всех потерь. Даже в Берлинской операции (т.е. в условиях ожесточенных уличных боев в

огромном городе) потери танков 2-й Гвардейской танковой армии распределились так: от огня ствольной артиллерии - 77%, от фаустпатронов - 23%.

Что же касается артиллерии, то здесь ничего нового на вооружении вермахта в 1945 г. не появилось. Те же самые 75-мм и 88-мм "стволы". Если и были изменения, то только в худшую для немцев сторону: дефицит вольфрама заставил к концу 44 г. полностью свернуть производство подкалиберных бронебойных снарядов; дефицит бензина резко снизил количество боеспособных танков и САУ; таким образом, самым массовым средством борьбы с советскими танками снова - как и в начале войны - стала буксируемая противотанковая пушка, расчет которой был защищен от пуль и осколков только гимнастёркой и шинелью. И при всем при этом - двукратный рост числа потерь советских танков!

Самые же парадоксальные, на мой взгляд, события произошли не на земле, а в воздухе. После провала контрнаступления в Арденнах немецкая авиация практически "закончилась". Бензина и летчиков хватало лишь на несколько сотен самолетов, да и те, что еще оставались в строю, были задействованы в системе ПВО рейха. Весной 45-го увидеть в небе над Восточным фронтом немецкий истребитель можно было лишь в весьма редких случаях. И при этом среднесуточные потери советских самолетов по категории "сбиты в воздушном бою" почти не уменьшились: 7,95 самолетов в 1944 г. и 7,49 - в 1945 г. (здесь и далее приведены данные из сборника "Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. в цифрах"; составлен

с грифом "Сов. секретно" Главным штабом ВВС СССР в 1962 г.)

Если же посмотреть на статистику потерь еще внимательнее, то окажется, что суммарные потери в воздушных боях бомбардировщиков и штурмовиков даже выросли (3,3 в день в 1944 г. и 4,3 - в 1945 г.). Потери же бомбардировщиков и штурмовиков по категории "от зенитного огня" **выросли в 1,7 раза** (5,8 в день в 1944 г. и 10,0 - в 1945 г.).

Так что же произошло на Восточном фронте весной 45-го года? Чем объяснить такой рост потерь Красной Армии?

Эти факты традиционная советская историография старалась не замечать, неизбежные вопросы - не задавать. Но при случае могли прозвучать слова про "фанатиков-эсэсовцев, готовых защищать Гитлера до последнего", про "врожденную дисциплинированность" немецкого солдата, который не может прекратить стрелять без приказа... Отрицать наличие этих факторов не приходится. Но они не должны закрывать от нашего внимания главное - то "чудо-оружие", которое вручил Сталин немецкому солдату. Да, именно так: Геббельс только кричал про загадочное "вундерваффе", которое перевернет ход войны, но обманул. Зато товарищ Сталин не подкачал, он дал вермахту самое главное - цель.

После Неммерсдорфа (и сотен других подобных "дорфов") немецкому солдату на Восточном фронте не надо было объяснять, за что он воюет. Цель была

очевидная (ее можно было увидеть невооруженным глазом) и - что чрезвычайно важно - вполне достижимая. Солдат видел бесконечные колонны беженцев, идущих на запад, безбрежное людское море у причальных стенок балтийских портов, видел корабли, один за другим уходящие с тысячами беженцев к берегам Дании и западной Германии. Каждый день и даже каждый час задержки наступления Красной Армии увеличивал число немецких женщин, стариков и детей, спасенных от насилия и гибели. С этого момента вермахт вновь обрел смысл и цель продолжения борьбы.

В конце января 1945 г. войска 1-го Украинского фронта форсировали Одер в районе г. Бреслау (ныне Вроцлав, Польша). 15 февраля вокруг Бреслау замкнулось кольцо окружения. Гарнизон города, который с учетом фольксштурма насчитывал не более 50 тыс. человек, оборонялся весь февраль. Затем весь март. Весь апрель. В бои за Бреслау было втянуто 13 советских дивизий. Далеко на западе пал Берлин, покончил с собой кровавый тиран Гитлер, а среди обугленные развалин Бреслау продолжались ожесточенные бои. Город капитулировал лишь 6 мая 1945 г. Военный комендант Вреслау генерал Нихофф пережил войну, пережил 10 лет, проведенных в советских лагерях. В своих мемуарах он утверждает, что длительная оборона города позволила уйти на запад 1,5 млн. немецких беженцев из Силезии.

5 марта 1945 г. войска 1-го Велорусского фронта начали штурм небольшого прибрежного городка Кольберг в Померании. В городе в этот момент скопилось

85 тыс. человек гражданского населения (жители и беженцы). Гарнизон Кольберга насчитывал 3 тыс. солдат. Эта горстка людей сдерживала натиск 1-й Гвардейской танковой армии и трех дивизий Войска Польского до утра 18 марта. От города не осталось ничего, кроме развалин; гарнизон потерял 2300 солдат убитыми. Кораблями немецких ВМФ из Кольберга было вывезено 70 тыс. беженцев.

13 января 1945 г. войска 2-го и 3-го Белорусского фронтов (117 стрелковых дивизий, 7 танковых корпусов, 9 отдельных танковых бригад, 1.590 тыс. человек личного состава) начали наступление на Восточную Пруссию. В последних числах января Кёнигсбергская группировка немецких войск была окружена с запада и северо-востока и прижата к морю. Дальнейшее продвижение было остановлено ожесточенным сопротивлением частей вермахта, уступавших в численности наступающему противнику по меньшей мере в 6 -7 раз. 19-20 февраля немцы перешли в контрнаступление, пробив на западе кольцо окружения и восстановили сухопутную связь Восточной Пруссии с еще не занятыми районами восточной Германии. Эту "дорогу жизни" немецкие войска удерживали весь март, до тех пор, когда в начале апреля не началось новое наступление Красной Армии. Кёнигсберг был взят после жесточайших боев лишь 12 апреля 1945 г. Но и после этого немцы продолжали на протяжении двух недель удерживать последнюю точку Восточной Пруссии - порт Пиллау (ныне Балтийск), от причалов которого вплоть до 27 апреля продолжали отходить суда с беженцами и ранеными.

После потери порта Пиллау единственной "гаванью надежды" оставалась коса Хель (севернее Данцига в Померании). Восточно-Померанская наступательная операция Красной Армии началась 10 февраля 1945 г. Оборона Данцига (ныне Гданьск, Польша) продолжалась до 30 марта. Крохотную, простреливаемую насквозь артиллерией полосу косы Хель немцы удерживали до 8 мая! За это время морем было вывезено 400 тыс. человек. В общей же сложности из портов Восточной Пруссии и Померании гражданскими судами и кораблями ВМФ было эвакуировано на Запад 2 млн. человек - то была крупнейшая "морская десантная операция" в истории.

В массовом сознании "весна победы" связана с наступлением на Берлин. Именно эта операция представляется неискушенному "человеку с улицы" главным (если не единственным) событием последних месяцев войны. Увы, сие есть прискорбное заблуждение.

В Берлинской операции (а это не только штурм самого города, но и все боевые действия по наступлению от Одера до Шпрее и окружению берлинской группировки вермахта) с 16 апреля по 8 мая 1945 г. погибло 78 тыс. советских солдат и офицеров. А в ходе Восточно-Прусской операций погибло 126 тыс. солдат и офицеров Красной Армии. И еще 53 тыс. убитых в ходе тесно связанной с ней Восточно-Померанской операции. Совокупные безвозвратные потери четырех фронтов, "освобождавших Германию" (3-й Белорусский, 2-й Белорусский, 1-й Белорусский, 1-й Украинский),

составили в 1945 году 411 тыс. человек. Всего же, на всех фронтах, Красная Армия, авиация и флот безвозвратно потеряли с 1 января по 10 мая 1945 г. 801 тыс. человек. Восемьсот тысяч убитых. Берлинская операция занимает менее одной десятой (!) от этой ужасающей цифры.

Гросс-адмирал К.Дёниц, назначенный Гитлером на должность "рейхспрезидента", не был "фанатиком-эсэсовцем". Он даже никогда не был членом гитлеровской НСДАП. Да и самого Гитлера к моменту, когда Дёниц принял на себя власть и ответственность за остатки Германии, уже не было в живых. Тем не менее, война на Восточном фронте прекратилась. Выступая в 22-00 1 мая 1945 г. по германскому радио, Дёниц заявил:

"Моя первейшая задача - спасти Германию от уничтожения большевиками. Только во имя одной этой цели вооруженная борьба будет продолжаться. До тех пор, пока достижению этой цели препятствуют англичане и американцы, мы будем вынуждены продолжать оборонительные бои и против них..."

Кровопролитие не остановилось. Немецкие войска на Востоке продолжали вести боевые действия. Грохотали орудия у Потсдама, Бреслау, Данцига. Окруженная еще в ноябре 1944 г. в Курляндии (прибрежная полоса современной Литвы) группировка вермахта сопротивлялась до 10 (десятого) мая 1945 г. При этом потери 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в 1945 г. составили только убитыми 62 тыс. человек. Странная история с "народным восстанием" в Праге (терпение народа, который мирился с немецкой

оккупацией на протяжении шести лет, лопнуло, почему-то, в тот момент, когда американские войска стояли в 80 км от Праги) и марш-бросок Красной Армии на помощь восставшим увеличил потери Красной Армии еще на 11 тысяч убитых. Только беспощадная позиция Главнокомандующего силами союзников в Западной Европе генерала армии США Д.Эйзенхауэра (*"я велел передать Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы **впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта**"* - подчеркнуто мной, М.С.) вынудила Дёница прекратить боевые действия на всех фронтах...

В статистическом сборнике Кривошеева соответствующая глава называется "Цена освободительной миссии". Может быть, в 21-м веке настало уже время задуматься об адекватности таких названий? Англо-американские союзники освободили Италию, Грецию, Францию, Бельгию, Голландию, Данию, почти всю Австрию, часть Чехии, больше половины территории Германии (больше половины в границах 37 г., в современных же границах - четыре пятых). В 1938 г. население этих территорий составляло более 170 млн. человек. При этом людские потери армий союзников оказались на порядок меньше потерь Красной Армии (в 1945 г. американцы потеряли на европейском ТВД около 55 тыс. человек, англо-канадские войска - еще 15 тысяч).

Да, конечно, три четверти немецкой армии были на Восточном фронте; да, конечно, в апреле 45-го на Западном фронте немецкие солдаты толпами сдавались в

плен. С этим никто и не спорит - вопрос в другом: ПОЧЕМУ солдаты вермахта десятками тысяч сдавались в плен на Западе и сражались до последнего патрона и последней капли крови на Востоке? Это разительное различие связано с "классовой солидарностью мировой буржуазии, её смертельной ненавистью к государству рабочих и крестьян"? Или были другие, гораздо более земные и значимые причины? 800 тысяч погибших - это "цена освободительной миссии"? Или плата за изощренные геополитические игры Сталина?

Статистика, необходимая и неизбежная в любом военно-историческом исследовании, превращает, увы, безмерные страдания миллионов людей в аккуратные колонки цифр. Это нехорошо, поэтому закончить статью я хочу безыскусным рассказом о пережитом одной венгерской женщины, Алэн Польш. Кто такая Алэн Польш? Добрый человек. Очень добрый человек (она и работу себе нашла соответствующую - врач психотерапевт в хосписе). До чтения ее мемуаров "Женщина и война" (опубликовано в журнале "Нева", №2/2004 г.) я думал, что такой добротой и смирением могут обладать только бестелесные ангелы. К сожалению, эта вполне земная женщина 19 лет от роду оказалась в конце войны в маленьком венгерском городке, ставшем на несколько месяцев прифронтовой зоной.

Алэн Польш рассказывает о том, что она видела и пережила с удивительной кротостью и сочувствием ко всем людям. Даже то, что в устах современного журналиста показалось бы мне омерзительной игрой в "политкорректность", у неё звучит естественно и человечно. Разумеется, она не забывает постоянно напоминать читателю о том, что *"венгерские солдаты вели себя в русских деревнях не намного порядочнее"*.

Она успевает придумать объяснения и оправдания всему (*"я узнала, что обвиняют нас в том, что мы шпионы, потому что точь-в-точь после боя часов на колокольне бомба попала прямо в русский штаб, и погибло много народу. Они думали, что мы подавали сигналы из церкви. Им невозможно было объяснить, что башенные часы бьют регулярно, потому что заведены, это простое совпадение. Вообще, русским очень многое нельзя было растолковать. Они жили в другом мире, у них был совсем другой опыт. Логика их тоже была иной. Они не знали, что такое башенные часы..."*)

Она находит оправдание даже этому:

"К рассвету я поняла, как происходит перелом позвоночника. Они делают так: женщину кладут на спину, закидывают ей ноги к плечам, и мужчина входит сверху, стоя на коленях. Если налегать слишком сильно, позвоночник женщины треснет. Получается это не нарочно: просто в угаре насилия никто себя не сдерживает. Позвоночник, скрученный улиткой, все время сдавливают, раскачивают в одной точке и они не замечают, когда он ломается..."

И заканчивает рассказ об очередном насилии весьма похвальным для советской власти замечанием:

"Русский офицер тем временем зажег спичку, сначала потрогал пальцем мои глаза - открыты ли. Убедившись в этом, приступил к делу. Было немного больно. Но так как я все равно не пошевелилась, не вскрикнула, он зажег еще одну спичку - посмотреть, жива ли я. Покачал головой. Большого удовлетворения я, должно быть, ему не доставила. Но когда я начала собираться, чтобы унести матрас, он прислал в подвал своего ординарца, который тоже мной попользовался. Тогда я не подумала, почему он прислал и ординарца. Сейчас мне кажется, что они демократичнее, чем наши офицеры..."

И немедленно отказывается от мести в тот момент, когда у нее появляется реальная возможность отомстить:

"Передо мной выстроили шеренгу солдат, и я должна была показать на того, кто меня изнасиловал. Помню лишь смутно: морозным зимним утром я прохожу перед строем, солдаты стоят вытянувшись, ровно, по стойке "смирно". Слева меня сопровождают двое офицеров. Пока я прохожу вдоль шеренги, они держатся чуть позади. В глазах одного из солдат я увидела страх. У него были голубые глаза, паренек был совсем молодой. По этому страху я и догадалась: это он. Но таким сильным, таким жутким было то, что блеснуло в его глазах, что я сразу почувствовала: нельзя. Нет никакого смысла убивать этого мальчишку. Зачем, если другие

останутся безнаказанными? Да и этого, единственного из всех, зачем"?

Как и должно быть в жизни добрых людей, конец истории вполне счастливый: Алэн Польц осталась жива, сохранила рассудок, смогла добраться до Будапешта, нашла свою маму живой... И даже дом, где жили ее родители, был разрушен бомбежкой с другой стороны, а в квартире остались следы довоенного достатка и много еды. Чем не рождественская сказка?

"Конечно, мама плакала, и была счастлива, и обнимала меня. И я тоже смотрела на нее и радовалась ей. Я была рада, что они живы, но радовалась не слишком сильно. Слишком сильно я не радовалась уже ничему и ни во что слишком сильно не верила. Я уже носила в себе болезнь - гонорею, из-за которой потом так и не смогла родить, и не знала еще, есть у меня сифилис или нет. У меня было подозрение, что я очень заразная, а заразить я никого не хотела.

Мы сидели за столом. Подали язык с томатным соусом. Я изумленно смотрела на него и ела тихонько, беззвучно. Говорили о том, что русские насилуют женщин.

"У вас тоже?" — спросила мама.

"Да, — сказала я, — у нас тоже".

"Но тебя-то не тронули?" — спросила мама.

"Никого не пощадили", — сказала я и продолжала есть.

Мама глянула на меня и сказала удивленно: "Но почему ты позволила?"

"Потому что били", — сказала я и продолжала есть. В этом вопросе я не видела ничего важного или интересного.

Тогда кто-то спросил непринужденно и шутливо: "А много их было?"

"Я не могла сосчитать", — сказала я и продолжала есть.

После ужина мама отозвала меня в сторону и сказала: "Доченька, ты не шути так грубо, еще поверят!" Я посмотрела на нее: "Мамочка, это правда!" Мама расплакалась, потом бросилась мне на шею, умоляя: "Доченька, скажи, что это неправда..."

Надо ли цитировать дальше? Разумеется, Алэн Польш пожалела свою бедную маму и сказала ей те слова, которые та хотела услышать. Увы, я не могу и не хочу утешить наших "нулёвых патриотов" (русских шовинистов эпохи дорогой нефти нулевых годов 21-го века) подобным образом. Все, что написано выше - правда. Страшная, отвратительная правда.

А господам патриотам предстоит определиться - кто они? Господа или рабы? Раб не знает чувства ответственности. Отказавшийся от свободы и личного достоинства не отвечает за свои поступки. Зато он может и дальше наслаждаться малиновым звоном слов шефа корпуса жандармов графа Бенкендорфа: *"Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше*

всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Именно с этой точки зрения русская история должна быть рассматриваема и писана".

Свободные же люди не могут согласиться ни с жандармской версией российской истории, ни с монопольным правом жандармов распоряжаться настоящим и будущим России. Свободные люди не должны пугаться своей истории. Им предстоит набраться мужества признать очевидное. И разделить со своей страной ответственность за все.

Размещено на сайте: 15.02.2009

Notes